

От составителей

Целью настоящего издания является публикация полного текста дневников Монголо-Сычуаньской экспедиции 1907–1909 гг. российского путешественника, исследователя Центральной Азии П.К. Козлова (1863–1935)¹. Эта экспедиция прославила его имя, прежде всего уникальными археологическими находками, сделанными при раскопках засыпанного песками Гоби средневекового города Хара-Хото² на севере современного Китая. Кроме того, Монголо-Сычуаньская экспедиция проделала большую работу по географическому изучению территорий, по которым проходил ее маршрут. Впервые были проведены лимнологические работы на оз. Кукунор с применением необычного для того времени плавательного средства — разборной брезентово-пробковой лодки. Особой географической заслугой экспедиции считается изучение северо-восточной части Тибетского нагорья — Амдо, проходившее в тяжелых условиях высокогорной местности (от 4 300 до более 4 800 м над уровнем моря). Здесь были собраны ценные этнографические материалы и сведения о тибетских племенах, а также богатые зоологические, ботанические и геологические коллекции.

Следует сказать, что название экспедиции не совсем соответствует регионам ее деятельности. П.К. Козлов был вынужден отказаться от первоначально запланированного изучения Сычуани из-за необходимости встречи в монастыре Гумбум с Далай-ламой XIII и возвращением для повторных раскопок в Хара-Хото. Вместо Сычуани экспедиция занималась исследованием Амдо. Но в дневниках и отчетных документах она продолжала называться Монголо-Сычуаньской. В дальнейшем такое название этой экспедиции П.К. Козлова закрепилось в литературе.

Дневники никогда прежде не публиковались в полном объеме. Материалы дневников П.К. Козлов использовал для подготовки книги «Монголия

¹ В 2003 г. были опубликованы полные дневники еще одной экспедиции П.К. Козлова — Монголо-Тибетской 1923–1926 гг. (*Козлов П.К. Дневники Монголо-Тибетской экспедиции, 1923–1926 гг. / Ред.-сост. Т.И. Юсупова, сост. А.И. Андреев; отв. ред. А.В. Постников. СПб.: Наука, 2003. (Серия «Научное наследство». Т. 30)*).

² Хара-Хото (монг. — черный город), или Эдзина (кит. — Хэйжунчон) — город-крепость (сейчас развалины) на р. Эдзина, центр одного из округов тангутского государства Си Ся, существовавшего в 982–1227 гг. на территории современного Северного Китая.

и Амдо и мертвый город Хара-Хото», опубликованной в 1923 г.³ Работу над этой книгой-отчетом о путешествии он начал сразу по окончании экспедиции, но она была прервана по ряду причин, как то: подготовка выставки привезенных коллекций в Русском географическом обществе (РГО, февраль 1910 г.), написание книги о Н.М. Пржевальском (1912–1913 гг.)⁴, организация новой, неосуществленной из-за начала Первой мировой войны экспедиции (1914), участие в войне, командировка в Монголию для заготовки скота для нужд действующей армии (1915 — конец 1916 г.), затем в степной заповедник Аскания-Нова (конец 1917 — весна 1919 г.), в Сибирские отделы Русского географического общества (1920 г.) и др. Вернуться к книге П.К. Козлов смог только в самом начале 1921 г., спустя 12 лет после окончания Монголо-Сычуаньской экспедиции. По прошествии столь значительного времени некоторые события были опущены, переосмыслены или, учитывая новые политические реалии в стране, значительно откорректированы. Но самое главное, за это время появился целый ряд публикаций, посвященных изучению археологических материалов, добытых при раскопках в Хара-Хото, была признана их уникальность и выдающееся научное значение, а П.К. Козлов получил широкое международное признание благодаря этому открытию. Перечисленные обстоятельства не смогли не сказаться на описании поисков Хара-Хото и раскопок в древнем городе, представленных в книге как запланированное открытие. Однако, как показывают дневники, прославившие Монголо-Сычуаньскую экспедицию находки в одном из субурганов (буддийских реликвариев) Хара-Хото в мае — июне 1909 г. явились счастливой случайностью. Этот факт, безусловно, не умаляет заслуг П.К. Козлова, но является важным для понимания развития российской археологической науки.

П.К. Козлов также включил в книгу «Монголия и Амдо...» рассказ о посещении монастыря Гумбум для свидания с Далай-ламой XIII. В «Дневниках» экспедиции об этом сделаны только короткие записи. Подробные описания встречи с тибетским первосвященником в феврале — марте 1909 г. П.К. Козлов производил в отдельную тетрадь. Эти записи он использовал в опубликованной в 1920 г. книге «Тибет и Далай-лама»⁵, откуда были взяты отрывки для «Монголии и Амдо...».

Кроме того, П.К. Козлову в подготовке отчетного труда «Монголии и Амдо...» помогала жена, Елизавета Владимировна Козлова-Пушкарева (1892–1975), в то время начинающий, а впоследствии известный российский орнитолог. Она пыталась придать публикации более академический характер и существенно отредактировала своеобразный авторский стиль. По-видимому, по ее предложению в книгу в качестве развернутых комментариев были включены большие отрывки из работ по истории буддизма (Ф.И. Щербатского и А.М. Позднеева),

³ Козлов П.К. Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото. М.; Пг.: Госиздат, 1923. 677 с.; Козлов П.К. Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото. 2-е изд., сокр. / Под ред. и с прим. Б.В. Юсова; вступ. ст. В.П. Козлова. М.: Госиздат географ. лит.-ры, 1947. 328 с.

⁴ Козлов П.К. Николай Михайлович Пржевальский, первый исследователь природы Центральной Азии. СПб., 1913. 149 с.

⁵ Козлов П.К. Тибет и Далай-лама. Пг.: 15-я гос. тип., 1920. 100 с., ил.

книг Н.М. Пржевальского, публикаций по результатам исследований коллекций, привезенных Монголо-Сычуаньской экспедицией (С.Ф. Ольденбурга, В.Л. Котвича, Б.С. Виноградова, А.П. Семенова-Тян-Шанского, Ф.К. Волкова⁶, А.А. Чернова⁷ и других исследователей). Все это в значительной степени лишило книгу авторской индивидуальности. Об этом ее недостатке писали в своих развернутых рецензиях видные российские ученые Б.Я. Владимирцов и Д.Н. Анучин⁸.

Книга «Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото» в 1925 г. была переведена на немецкий язык (в сокращенном варианте) и опубликована в Берлине под редакцией путешественника, исследователя Центральной Азии и Антарктиды Вильгельма Фильхнера. В 1955 г. второй, расширенный перевод на немецкий язык увидел свет в Лейпциге. В 1929 г. краткий пересказ «Монголии и Амдо...» опубликовали в Праге на чешском языке, в 1951 г. — в Братиславе на словацком языке⁹, в 2000-х гг. — в Китае и Японии.

Долгие годы именно книга «Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото» и ее переводы являлись для исследователей истории изучения Центральной Азии основным опубликованным источником сведений о Монголо-Сычуаньской экспедиции и ее результатах.

Дневники Монголо-Сычуаньской экспедиции П.К. Козлова хранятся в Архиве Русского географического общества в Санкт-Петербурге. Они представляют собой четыре толстые коленкоровые тетради песочного цвета, одинакового формата (17,0×22,5 см), имеющие сквозную пагинацию (л. 1–527), общим объемом более 1 000 рукописных страниц. Записи сделаны черными чернилами

⁶ [Щербатской Ф.И.]. Лекция академика Ф.И. Щербатского, читанная при открытии Первой Буддийской выставки в Петербурге 24 августа 1919 г. Пг., 1919. 48 с.; *Позднеев А.М.* Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношением сего последнего к народу. СПб., 1887. 493 с. (Записки ИРГО по отделению этнографии. Т. XVI); *Котвич В.Л.* Из находок П.К. Козлова в г. Хара-Хото. III. Образцы ассигнаций Юаньской династии в Китае // Известия ИРГО. 1909. Т. XLV. С. 474–477; *Ольденбург С.Ф.* Материалы по буддийской иконографии Хара-Хото // Материалы по этнографии России. Т. II. СПб., 1914; *Ольденбург С.Ф.* Первая буддийская выставка в Петербурге. Пг., 1919. 39 с.; *Виноградов Б.С.* Заметка о своеобразном новом роде и виде тушканчика из Хара-Хото (Монголия) // Козлов П.К. Монголия и Амдо. М.; Пг., 1923. С. 540–545; *Волков Ф.* Человеческие кости из субургана в Хара-Хото // Материалы по этнографии России. Т. 2. СПб., 1914. С. 179–182.

⁷ *Чернов А.А.* Остров Куйсу на Куку-норе // Землеведение. 1910. Кн. 1. С. 28–44; Кн. 2. С. 19–34.

⁸ *Владимирцов Б.Я.* [Рецензия на:] Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото. Экспедиция ИРГО в Нагорной Азии П.К. Козлова 1907–1909 // Владимирцов Б.Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов. М., 2002. С. 208–214; *Анучин Д.Н.* Экспедиция П.К. Козлова в Центральную Азию // Восток. 1923. Кн. 3. С. 399–404.

⁹ *Kozlov P.* Zur Toten Stadt Chara-Choto. Die Expedition der Russischen Geographischen Gesellschaft nach der Mongolei, Amdo and Chara-Choto / Übers. von L. Breitfuß, P. Zeidler. Berlin: Verlag Neufeld & Henius, 1925; *Kozlov P.* Die Mongolei, Amdo und die tote Stadt Chara-Choto / Übers. von H. Sträubig. Leipzig: Brockhaus, 1955; *Kozlov P.* Mrtvé město Chara-Choto (Mongolsko a Amdo). Expedice Ruske zeměpisní společnosti 1907–1909. Praha: Pokrok, 1929; *Kozlov P.K.* Mrtvé mesto Chara-Choto / Preložil A.M. Lubomirsky. Martin, 1951.

с обеих сторон каждого листа, хорошо читаемым (в основном), почерком. В заглавии каждой тетради дневников указано место, в котором находилась экспедиция в момент начала записей в новой тетради (дневник № 1 — Кяхта, дневник № 2 — Алашань, дневник № 3 — Гуй-дэ-тин, дневник № 4 — Хара-Хото).

П.К. Козлов начал вести дневники в Кяхте осенью 1907 г., без указания точной даты, с краткого пересказа событий, которые предшествовали прибытию экспедиции в этот русский город, соседствующий с Монголией. Заканчиваются дневники также в Кяхте, после пересечения Монголо-Сычуаньской экспедицией государственной границы России. Последняя запись датируется 10 августа 1909 г.

Экспедиционные дневники для П.К. Козлова были важной составляющей его исследовательской деятельности, первой ступенью будущей научной публикации. Поэтому, как правило, записи делались ежедневно, или непосредственно сразу в дневники, или в записные книжки¹⁰, на основании которых он описывал в дневниках события сразу за несколько дней.

В этом случае, однако, нарушалась хронология изложения. Например, после записи от 27 августа 1908 г. (дневник № 2) следует копия отчета в Генеральный штаб о работе экспедиции, который начат 3 октября. В отчете содержатся результаты второго, так называемого кукунорского этапа деятельности Монголо-Сычуаньской экспедиции с начала июля по начало октября 1908 г. Сразу за отчетом продолжают ежедневные записи с 6 сентября 1908 г. В дневнике № 3 после событий 7 декабря идет рассказ о работе экспедиции 25 и 27 декабря, а потом описываются события 17 декабря (в данной публикации эта запись переставлена в соответствии с хронологическим порядком).

К стилистическим особенностям дневников следует отнести тесное переплетение записей научно-делового и личного характера. Географическое описание маршрута следования, перечисление местных видов фауны и флоры перемежаются с событиями личной жизни и интересными подробностями экспедиционного быта и взаимоотношений участников отряда, лирическими отступлениями о красоте центральноазиатской природы и т. п.

Дневники Монголо-Сычуаньской экспедиции 1907–1909 гг. П.К. Козлова публикуются полностью, без сокращений. Незначительные купюры маркируют места ссылок на сделанные путешественником, но не выявленные составителями публикации, фотографии. Археографическая обработка текста дневников проведена по «Правилам издания исторических документов в СССР» (изд. 2-е, перераб. М., 1990). Орфография и пунктуация текста даются в соответствии с современными правилами при сохранении стилистических особенностей автора. Исправления сделаны только в случае явных ошибок в согласовании времен, падежей и т. п.

Дневниковые записи начинаются в большинстве случаев с даты, написанной в оригинале, в основном арабскими цифрами, иногда — прописью. В данной публикации для удобства чтения все даты унифицированы и пишутся арабскими цифрами. В самих записях встречаются сокращения отдельных слов и словосочетаний, географических названий и собственных имен. Восстановленные

¹⁰ Архив РГО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 206–208. Записные книжки 1907–1909 гг.

части слов или их предположительное прочтение приводятся в квадратных скобках. Сокращенные слова дополняются без квадратных скобок в случаях, не имеющих другого толкования, кроме предложенного составителями.

Монгольские, китайские, тибетские имена и географические и топографические названия приводятся по рукописи. Если они встречаются в других публикациях П.К. Козлова, прежде всего в «Монголии и Амдо и мертвом городе Хара-Хото» (1923), то их написание даётся по более поздним изданиям. Различия отмечаются в скобках в соответствующих указателях.

Собственные примечания П.К. Козлова оставлены внутри текста, примечания составителей вынесены в конец текста.

В книге приводится справочный аппарат, который содержит: именной и географический указатели, списки монгольских, тибетских и китайских терминов, указатель латинских названий животных и птиц, и библиографию по истории Монголо-Сычуаньской экспедиции и изучению археологических коллекций из Хара-Хото.

Составители публикации искренно благодарят сотрудников Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН за их заинтересованное участие в подготовке рукописи дневников к печати: к. ист. н Т.Ю. Феклову, к. культурологии И.Б. Соколову, С.В. Ретунскую и Ю.В. Ретунскую, главного хранителя Музея П.К. Козлова О.В. Альбедия. Мы выражаем глубокую признательность за помощь в работе над комментариями к рукописи и составлении глоссария д. и. н. М.К. Басханову, к. филол. н. Б.М. Нармаеву, к. ист. н. Е.Ю. Харьковской, к. филол. н. М.П. Петровой, а также к. б. н. А.В. Куприянову за ценные замечания в работе с указателем биологических названий. Особую благодарность мы выражаем заведующей Архивом Русского географического общества М.Ф. Матвеевой и сотруднику Архива В.М. Матвееву, чья поддержка и помощь имели важное значение при реализации этого проекта.

Монголо-Сычуаньская экспедиция П.К. Козлова (1907–1909 гг.)

Российский путешественник Петр Кузьмич Козлов (1863–1935) по продолжительности и необычайной результативности своей экспедиционной деятельности занимает особое место среди исследователей Центральной Азии XIX — начала XX века. С 1883 по 1926 гг. он совершил шесть больших экспедиций в Монголию, Западный и Северный Китай, Восточный Тибет, три из которых возглавил лично. Козлов участвовал в 4-й Центральноазиатской экспедиции Н.М. Пржевальского 1883–1885 гг., Тибетской экспедиции М.В. Певцова 1889–1890 гг., Тибетской экспедиции В.И. Роборовского 1893–1895 гг.; возглавлял: Монголо-Камскую экспедицию 1899–1901 гг., Монголо-Сычуаньскую экспедицию 1907–1909 гг. и Монголо-Тибетскую экспедицию 1923–1926 гг. В общей сложности более 15 лет он провел, странствуя по труднодоступным и практически неизвестным европейцам местам азиатского материка.

Кроме успехов в географическом изучении Центральной Азии Козлову способствовала удача и в археологических раскопках: его Монголо-Сычуаньская экспедиция в 1908–1909 гг. обнаружила уникальные артефакты в развалинах средневекового города Хара-Хото, засыпанного песками Южной Гоби, а Монголо-Тибетская экспедиция в 1924–1925 гг. — в захоронениях хунну, в горах Ноин-Ула, на севере Монголии¹.

Археологические материалы из Хара-Хото позволили ученым восстановить историю забытого тангутского государства Си Ся, просуществовавшего около 250 лет (892–1227) на территории современного Северного Китая², положили начало подлинному развитию тангутоведения во всем мире и обогатили россий-

¹ Подробно об истории раскопок в Ноин-Уле см.: *Юсупова Т.И.* Случайности и закономерности в археологических открытиях: Монголо-Тибетская экспедиция П.К. Козлова и раскопки Ноин-Улы // *ВИЕТ.* 2010. № 4. С. 26–67; *Она же:* История не совсем обычного археологического открытия // *Полосьмак Н.В., Богданов Е.С., Цэвээндорж Д.* Двадцатый ноин-улинский курган. Новосибирск, 2011. С. 11–53.

² См.: *Кычанов Е.И.* Звучат лишь письма М., 1965; Переиздание: Рыбинск, 2002; *Он же:* Очерк истории тангутского государства. М., 1968; *Он же:* Император Великого Ся. Новосибирск, 1991; *Лубо-Лесниченко Е.И., Шафрановская Т.К.* Мертвый город Хара-Хото. М., 1968.

ские музеи выдающимися коллекциями восточных рукописей, книг и художественных произведений. Кроме своего главного, общепризнанного исторического значения, это археологическое открытие повысило престиж российской науки в изучении Центральной Азии и, несомненно, сыграло важную роль в жизни П.К. Козлова.

Результаты путешествий Козлова получили высокую оценку мирового научного сообщества и поставили его в ряд крупнейших исследователей этого региона. Он был избран почетным членом Русского (1910), Нидерландского (1896), Венгерского (1911) географических обществ, награжден Золотыми медалями Лондонского (1911) и Итальянского (1911) географических обществ, премией им. П.А. Чихачева Французской академии наук (1913), отмечен другими научными обществами³.

Успеху экспедиций П.К. Козлова способствовали, прежде всего, личные качества путешественника: талант географа-исследователя, обширные знания в разных отраслях страноведения, исключительная энергия, упорство, умение подбирать спутников, преданность своему делу, а также фактор удачи.

О П.К. Козлове и его путешествиях существует довольно обширная литература⁴. В данном очерке мы более подробно остановимся на обстоятельствах подготовки и проведения Монголо-Сычуаньской экспедиции (1907–1909), которые не нашли отражения в публикуемых дневниках.

К моменту организации Монголо-Сычуаньской экспедиции Козлов был уже известным и авторитетным исследователем Центральной Азии. За его плечами — участие в экспедициях Н.М. Пржевальского, М.В. Певцова, В.И. Роборовского. Но особенно ярко талант Козлова, как путешественника-натуралиста, проявился во время его первой самостоятельной Монголо-Камской экспедиции 1899–1901 гг. В результате этой экспедиции, прошедшей со съёмкой более 10 000 км, были нанесены на карту крупнейшие хребты в Восточном и Центральном Тибете (хребет Русского географического общества, хребет Водораздел (бассейнов Хуанхэ и Янцзы), хребет Рокхилла и др.⁵ И хотя её маршрут пролегал по неисследованным и труднодоступным территориям, научные результаты превзошли все ожидания — Козлов привез в Санкт-Петербург огромную и необычайно разнообразную естественно-историческую коллекцию, интересные этнографические сведения о кочевых племенах Восточного Тибета, ценнейшие данные по зоогеографии совершенно неизученных областей. За этот вклад в изучение

³ Подробно см.: Юсупова Т.И. Международное признание заслуг П.К. Козлова в изучении Центральной Азии // Известия РГО. 2013. № 4. С. 74–89.

⁴ См., напр.: Овчинникова Т.Н. П.К. Козлов — исследователь Центральной Азии. М., 1964; Житомирский С.В. Исследователь Монголии и Тибета П.К. Козлов. М., 1989; Андреев А.И., Юсупова Т.И. История одного не совсем обычного путешествия: Монголо-Тибетская экспедиция П.К. Козлова (1923–1926 гг.) // Вопросы истории естествознания и техники (ВИЕТ). 2001. № 2. С. 51–74; Кравклис Н. Жизнь и путешествия Петра Кузьмича Козлова. Смоленск, 2006 и др.

⁵ Русские названия этих хребтов сейчас не используются в международной картографической практике.

Центральной Азии Русское географическое общество в 1902 г. наградило путешественника своей высшей наградой — Константиновской золотой медалью.

Подготовку нового путешествия Козлов начал сразу же после публикации отчета о Монголо-Камской экспедиции⁶. Он планировал продолжить исследования Южной Монголии и Кама (Юго-Восточного Тибета), начатые им в предыдущей экспедиции. Однако предложенный им проект не был одобрен Министерством иностранных дел: маршрут экспедиции проходил слишком близко к границе Центрального Тибета — области геополитического интереса Великобритании, что могло вызвать очередное обострение соперничества двух крупнейших мировых империй на Азиатском континенте (так называемая Большая игра)⁷.

Весной 1907 г. путешественник представил вице-председателю Русского географического общества П.П. Семенову-Тян-Шанскому новый план экспедиции, изменив маршрут ее следования: вместо Кама Козлов решил пройти по северной части провинции Ганьсу и Кукунорской области. На этот раз со стороны МИДа возражений не было. При этом подполковнику Козлову было рекомендовано строго придерживаться намеченного маршрута, «не вдаваясь в области, связанные с Тибетом»⁸. Одновременно Козлов, как офицер Генерального штаба, обратился к своему непосредственному начальству с просьбой разрешить ему вновь отправиться в путешествие для научного исследования малоизвестных областей Монголии и северо-западной части провинции Ганьсу.

Проект новой экспедиции Козлова был рассмотрен Советом РГО 24 мая 1907 г. П.П. Семенов-Тян-Шанский, активно поддерживавший исследования в Центральной Азии, предложил для ее финансирования использовать средства (25 000 руб.) несостоявшейся Месопотамской экспедиции⁹, выделенные по «высочайшему повелению» еще в 1903 г. Однако не все участники заседания выразили готовность поддержать вице-председателя РГО. Были мнения, что не следует расходовать такие большие средства на изучение «отдаленных стран, хотя и сопредельных с Россией». Целесообразнее было бы использовать их «на несколько экспедиций в Западной Азии, в странах, более близких к России»¹⁰. В итоге, принятие решения перенесли на следующее заседание, где Козлову было предложено выступить с докладом о своей очередной центральноазиатской экспедиции.

Повторное рассмотрение проекта экспедиции состоялось 29 мая 1907 г. Козлов подробно рассказал о ее маршруте, целях и задачах. На «просторы Азии»

⁶ [Козлов П.К.] Монголия и Кам. Труды экспедиции ИРГО, совершенной в 1899—1901 гг. под руководством П.К. Козлова. Т. 1. Ч. I. По Монголии до границ Тибета. СПб., 1905; Т. 1. Ч. II. Кам и обратный путь, СПб., 1906.

⁷ Подробно см.: *Андреев А.И.* Тибет в политике царской, советской и постсоветской России. СПб., 2006.

⁸ Архив РГО. Ф. 1—1907. Оп. 1. Д. 5. Л. 3.

⁹ Экспедиция для исследования Месопотамии и Курдистана была инициирована членом РГО, штабс-капитаном лейб-гвардии Егерского полка П.А. Риттихом. На ее организацию и проведение по императорскому указу было отпущено 25 000 руб. Начало экспедиции планировалось на осень 1903 г., но она, в силу разных политических и организационных проблем, так и не состоялась.

¹⁰ Известия ИРГО. 1907. Т. XLIII. СПб., 1907. С. 43.

Козлов предполагал выступить осенью 1907 г. из Урги — столицы Монголии, пройти через Гоби новым меридиональным маршрутом до Дынь-юань-иня (Дыньюаньиня). Здесь при содействии Алаша-вана и помощи бывшего спутника Козлова, а теперь представителя торговой фирмы в Китае Ц.Б. Бадмажапова, устроить стационарную базу экспедиции и организовать метеорологическую станцию. Затем, в январе 1908 г., экспедиция планировала разделиться на две партии: западную и восточную. Первая во главе с геологом (А.А. Черновым), должна будет заняться изучением местностей вдоль исторической дороги Ганьчжоу — Хараморит — Пекин; затем из Ганьчжоу пройти маршрут до монастыря Таги-чойлин и долины Эдзин-гола. После завершения запланированных работ группа должна будет возвратиться на базу экспедиции в Дынь-юань-инь, или направиться в южном направлении, через Наньшань до берегов озера Кукунор.

Тем временем вторая партия, возглавляемая самим Козловым, займется всесторонним обследованием Алашаньского хребта и других прилежащих к долине Хуанхэ гор. По мере возможности предполагалось собрать сведения о быте, религии и «мировоззрении» местных жителей. К осени экспедиция в полном составе должна будет собраться на берегах озера Кукунор и в 1909 г. заняться изучением Сычуани. Таким образом, всю работу экспедиции Козлов условно разделил на три периода: Монгольский, Кукунорский и Сычуаньский. Кроме того, он втайне питал надежду, что ему вновь представится случай встретиться с Далай-ламой, который после вынужденного бегства из Лхасы в 1903 г., когда туда вошел английский военный отряд во главе с Ф. Янгхазбендом, пребывал в монастыре Гумбум, на северо-западе провинции Гань-су¹¹.

На этот раз Совет РГО одобрил проект экспедиции и выразил уверенность в ее успехе, поскольку во главе экспедиции встанет такой опытный путешественник, как Козлов, «пока еще полный сил и энергии и страстно желающий работать для науки»¹². Новую экспедицию Козлова поддержал также покровительствующий ему как ученику и последователю Н.М. Пржевальского Николай П. Он даровал на ее снаряжение дополнительно 5 тыс. руб. на «непредусмотренные сметами надобности»¹³, о чем сообщил путешественнику 5 июля 1907 г., во время аудиенции в Петергофе.

Информация о новой экспедиции Козлова 13–14 июля появилась в большинстве петербургских и многих московских газетах («Биржевые ведомости», «Новое время», «Петербургская газета», «Петербургский листок», «Русские ведомости» и др.). Газеты сообщали, что путешественник выступает из Петербурга в августе, но в действительности все приготовления были закончены только к октябрю. Задержка была вызвана рядом организационно-бюрократических проволочек и получением средств от Военного министерства (12 894 руб. — довольствие офицерского состава экспедиции) и Государственного казначейства (10 657 руб. 62 коп. — для проведения исследований экономического характера)¹⁴.

¹¹ Там же. С. 48–51.

¹² Известия ИРГО. 1907. Т. XLIII. С. 46.

¹³ Архив РГО. Ф. 1–1907. Оп. 1. Д. 5. Л. 12.

¹⁴ Архив РГО. Ф. 1–1907. Оп. 1. Д. 5. Л. 34, 35.

В состав экспедиции кроме ее руководителя, Козлова, вошли: геолог Московского университета А.А. Чернов, топограф, капитан Военно-топографического управления Генштаба П.Я. Напалков, собиратель растений и насекомых С.С. Четыркин¹⁵, заведующий экспедиционным караваном гренадер Г.И. Иванов (участник экспедиций Пржевальского, Певцова, Роборовского и Козлова), а также казаки-урядники П. Телешов, А. Мадаев, В. Демиденко, М. Давыденков, М. Санакоев, забайкальские казаки Е. Полюттов (переводчик китайского языка), Б. Мадаев, Г. Бадмажапов (брат Ц.Г. Бадмажапова), Б. Содбоев. Завершив за две недели пребывания в Кяхте последние приготовления к далекому путешествию, 9 января 1908 г. отряд русских путешественников прибыл в столицу Монголии Ургу.

Перед Монголо-Сычуаньской экспедицией П.К. Козлова (как она стала официально называться) стояли задачи географического исследования региона и сбора естественнонаучных коллекций. Однако одно неожиданное обстоятельство внесло коррективы в планы Козлова. Еще находясь в Петербурге, в конце июня он получил письмо из Алашани от Ц.Б. Бадмажапова — участника его предыдущей экспедиции — (отправлено 15 мая 1907 г.), который постоянно снабжал Козлова самой разнообразной информацией о Китае, столь необходимой для путешественника¹⁶. В этом письме Бадмажапов сообщал своему покровителю об интересной находке, сделанной им во время коммивояжерской поездки на Эдзин-гол: «Около песков между долинами Гойцзо и Эцзин-гол наткнулся на развалины Хара-Хото или Хара-байшин, где специально дневал, [чтобы] сделать снимки и кое-что записать». К письму были приложены четыре снимка развалин, которые Бадмажапов просил Козлова показать П.П. Семенову-Тянь-Шанскому, а также сообщить ему, что он собирается написать «маленькую брошюру» о своей поездке и послать в РГО почтой¹⁷.

Оазис в низовьях Эдзин-гола давно уже привлекал внимание различных экспедиций, проходивших по этим местам. Так, в 1886 г. здесь останавливалась на дневку экспедиция Г.Н. Потанина. В своем отчете исследователь писал «Из памятников древности [торгоуты] упоминают развалины Эрхэ-харабурюк, то есть от самого восточного рукава Едзина; тут, говорят, виден небольшой *кэрим*, то есть стены небольшого города, но вокруг много следов домов, которые засыпаны песком. Разрывая песок, находят серебряные вещи. В окрестностях *кэрима* большие сыпучие пески, и воды близко нет»¹⁸.

В 1893 г. эти же места посетил В.А. Обручев¹⁹. Однако торгоуты скрыли от него существование Хара-Хото, принудив сделать огромный крюк, чтобы пересечь владения Алаша-цин-вана на северо-востоке, а не на северо-западе, как

¹⁵ О С.С. Четыркине см.: *Кравклис Н.Н.* Путешественник Сергей Четыркин. Смоленск, 1999.

¹⁶ См.: *Юсупова Т.И.* (подг. публ.). Переписка Ц.Г. Бадмажапова с П.К. Козловым // Известия РГО. 2004. Вып. 2. С. 75–96.

¹⁷ Там же. С. 83.

¹⁸ *Потанин Г.Н.* Тангутско-тибетская окраина Китая и Центральная Монголия. Т. 1. СПб., 1893. С. 464.

¹⁹ *Обручев В.А.* Центральная Азия, Северный Китай и Нань-Шань. Отчет о путешествии. СПб., 1901. Т. II. С. 399–400.

хотел Обручев²⁰. В 1900 г. сюда, для исследования низовьев Эдзин-гола Козлов направил своего помощника по Монголо-Камской экспедиции А.Н. Казнакова. Если посмотреть на карте путь, пройденный Казнаковым, то можно увидеть, что он также совсем немного не дошел до развалин Хара-Хото: проводники провели его, обогнув древний город²¹. Возможно, эти факты объяснялись особым отношением торгоутов к этому месту как к своеобразному пантеону духов их предков.

Сообщение Бадмажапова о посещении Хара-Хото вызвало большой интерес у Козлова. Дело в том, что в начале XX в. западные исследователи проводили активные археологические раскопки в развалинах древних городов, обнаруженных ими в Восточном Туркестане, в бассейне р. Тарим, в Турфанской котловине и других местах, которые дали ценный научный материал. Как отмечал Д.Н. Анучин, «русским исследователям трудно было соперничать с подобными богато обставленными экспедициями англичан, немцев и др.»²². Не имея в своем распоряжении необходимых средств, они не могли собрать многого и не в состоянии были производить продолжительные систематические раскопки. Российская археология явно проигрывала в этом, своего рода, соревновании. Поэтому неудивительно то внимание, с которым Козлов отнесся к информации Ц. Бадмажапова.

Поиск Хара-Хото не вносил особых изменений ни в маршрут экспедиции, ни во временной график ее следования. 25 января 1908 г., отправив основной караван в Дынь-юань-инь, Козлов направился через массив Гурбун-Сайхан в урочище Угольцзин-тологой, в ставку хорошо ему знакомого местного князя Балдын-Цзасака. Он надеялся у него узнать дорогу к Хара-Хото и самому проверить полученную информацию Ц. Бадмажапова. В ставке Балдын-Цзасака состоялся «деловой разговор» о дальнейшем пути на Эдзин-гол. «В конце концов, — пишет Козлов в экспедиционном дневнике, — я был рад результатами переговоров. Мы в перспективе видели исполнение своих заветных планов: нам не отказали ни в знании о Хара-Хото, ни в возможности отыскать верблюдов и проводника, но, конечно, не поскупились содрать с нас высокую плату»²³. Чуть позже, в письме в РГО, Козлов сообщит, что он убедился, в том, «что, как название Хара-Хото, так и сами развалины ведомы некоторым из обитателей балдын-цзасаковских владений. Сам Балдын-Цзасак рассказывал <...> про Хара-Хото немало интересного»²⁴.

1 марта 1908 г. в сопровождении Балдын-Цзасака экспедиция направилась в низовье Эдзин-гола, к озеру Сого-нор. Через две недели прибыли на берега

²⁰ Козлов П.К. Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото. Пг., 1923. С. 101; 2-е изд. М.: ОГИЗ, 1948. С. 76.

²¹ Казнаков А.Н. Мои пути по Монголии и Каму // Монголия и Кам. Труды экспедиции ИРГО, совершенной в 1899–1901 гг. под руководством П.К. Козлова. СПб., 1907. Т. II. Вып. I. С. 47–53.

²² Из экспедиции Козлова // Русские ведомости. 1909. 20 сентября. С. 2.

²³ Архив РГО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 154. Л. 52 об. Дневник Монголо-Сычуаньского путешествия № 1.

²⁴ Вести из Монголо-Сычуаньской экспедиции под начальством П.К. Козлова // Известия ИРГО. 1908. Т. XLIV. Вып. VII. С. 453.

озера, во владения уже другого местного князя — торгоут-бэйле. Вначале он принял Козлова весьма холодно, но после получения подарков «стал человеком», послал для экспедиции юрту, палатку, людей «для услуг» и проводников в Хара-Хото²⁵. Поездка состоялась 19 марта. Вместе с Козловым выехали геолог Чернов, топограф Напалков, гренадеры Иванов и Мадаев. Козлов, Напалков и Иванов пробыли в Хара-Хото три дня, а Чернов и Мадаев пять дней. В первое посещение мертвого города были определены его географические координаты (41°45'40'' с. ш. и 101°5'15'' в. д.), абсолютная высота местности (810 м), снят план, обследованы развалины, произведены пробные раскопки. Находки были весьма разнообразные и многочисленные: большое количество черепков посуды, предметов обихода, денежные ассигнации, монеты, три книги, тридцать оригинальных рукописей на неизвестном тогда языке Си Ся, предметы культа и др. Завершив осмотр Хара-Хото, экспедиция направилась дальше по намеченному маршруту — к Алашаньскому хребту.

О результатах посещения Хара-Хото Козлов сразу же направил донесение в РГО, в котором привел описание местности, краткую историческую справку о городе, составленную по расспросным сведениям, перечень произведенных работ и находок, приложил несколько фотографий²⁶. Информацию о Хара-Хото он послал также непременно секретарю Академии наук С.Ф. Ольденбургу и известному географу и археологу Д.Н. Анучину.

Даже краткий осмотр поступившего в Петербург археологического материала позволил ученым сделать вывод о его уникальности и большой исторической ценности. Помощник председателя РГО А.В. Григорьев в письме от 9 сентября 1908 г. сообщил Козлову о первых результатах изучения находок: «Я рассказал П.П. Семенову о Ваших открытиях в Хара-Хото и он очень интересовался тем, что Вы там нашли, а нашли Вы, во-первых, <...> Си Ся (His-Hsia) столицу²⁷ тангутского царства, существовавшего с XI по XIV век. 2) Рукописи помимо китайского — на неведомом языке (по крайней мере, прочитать <...> никто еще не умеет, хотя образцы письма и известны). 3) Ассигнации Минской династии, которых известно было до сих пор лишь 4 штуки, в том числе в Азиатском музее Академии наук». Григорьев, которого связывали с Козловым теплые дружеские отношения, посоветовал ему посетить Хара-Хото и на обратном пути: «Не жалейте ни времени, ни средств на дальнейшие раскопки — такое мнение не одного только меня, питающего к Вам некоторую слабость, но и других, более компетентных, чем я, лиц». Чтобы усилить личную заинтересованность путешественника, Григорьев сыграл на честолюбии Козлова: «Вы первый. Биологическими сборами не удивить, а когда узнают про Си Ся и о том, что Вы там нашли, прямо ахнут и остолбенеют»²⁸.

²⁵ Архив РГО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 154. Л. 74, 78 об. Дневник Монголо-Сычуаньского путешествия № 1.

²⁶ Вести из Монголо-Сычуаньской экспедиции под начальством П.К. Козлова (28 марта 1908 г.) // Известия ИРГО. 1908. Т. XXXXIV. Вып. 7. С. 453—458.

²⁷ На самом деле Хара-Хото не являлся столицей тангутского государства. Однако эта ошибка еще до сих пор периодически появляется в публикациях о Хара-Хото.

²⁸ Архив РГО. Ф. 18. Оп. 3. Д. 184. Письмо от 9 сентября 1908 г.

Это письмо Козлов получил только 7 декабря 1908 г. и оно стало поворотным пунктом в истории Хара-Хото. Козлов последовал совету своего друга, изменил маршрут экспедиции, свернув исследование Сычуани, и через Амдоское нагорье вновь направился в Хара-Хото.

Такому решению способствовало также и письмо Анучина от 20 сентября 1908 г. Авторитетный ученый сообщал Козлову, что краткий отчет о посещении Хара-Хото он поместил в «Русских ведомостях» и предварил своим вступлением, в котором указал на важность раскопок «мертвых городов», в которых «англичане и немцы нас предвосхитили в Китайском Туркестане и Турфане»²⁹. Анучин, сожалея, что из краткого описания Козлова нельзя увидеть, насколько подробно исследован город, тем не менее не сомневался, что «собранный материал обогатит науку новыми данными и либо даст добавочные материалы для ознакомления с той эпохой, которая стала известна из раскопок Штейна и Грюнведала, либо познакомит с древностями более поздней эпохи, исключительно уже буддийской и монгольской»³⁰.

Вторые раскопки в Хара-Хото начались 23 мая 1909 г. Причем Козлов проводил их без всякого плана и системы, как и в предыдущее посещение древнего города, давал своим спутникам только общие указания — где копать. С первого дня раскопок стали вновь попадаться части рукописей, монеты, ассигнации, обломки посуды и проч. Но все находки являлись незначительным дополнением к уже добытым материалам. Энтузиазм сотрудников экспедиции заметно падал. Чтобы как-то разнообразить их деятельность, Козлов предложил перенести работы за стены Хара-Хото, где находилось несколько субурганов. 30 мая приступили к исследованию самого крупного из них, «отстоящего на запад от города в 200-х саженьях»³¹. Решение оказалось счастливым, а этот субурган стал знаменитым. Во время его раскопок, продолжавшихся 9 дней (с 30 мая по 7 июня), была обнаружена целая библиотека (более 6 тыс.) прекрасно сохранившихся свитков, рукописей, книг на тангутском, китайском и уйгурском языках, сотни буддийских икон и скульптур, святыни из буддийских храмов.

Одновременно с радостью от неожиданного успеха возникла серьезная проблема сохранения собранного археологического материала и его транспортировки в Россию. Загруженный до предела караван не мог увезти с собой все находки и Козлов принял решение оставить часть вещей, главным образом крупную скульптуру, на месте, предполагая организовать еще одну экспедицию для продолжения раскопок³².

Прощаясь с Хара-Хото, 16 июня 1909 г. Козлов сделал в дневнике проникновенную запись: «Мне суждено связать с тобою свое имя, мне посчастливилось вызвать тебя к новой <...> жизни. Скоро история твоя, твоя тайна будет открыта.

²⁹ Архив РГО. Ф. 18. Оп. 3. Д. 14. Л. 5. Письмо от 20 сентября 1908 г.

³⁰ Русские ведомости. 1908. 20 сентября. С. 2.

³¹ Архив РГО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 157. Л. 442 об. Дневник Монголо-Сычуаньского путешествия № 4.

³² Продолжить раскопки в Хара-Хото П.К. Козлов смог лишь в 1926 г. Но несмотря на подробное описание места, где в 1909 г. были оставлены скульптуры, ничего найти не удалось. См.: *Козлов П.К. Дневники Монголо-Тибетской экспедиции 1923–1926 гг.* / Ред.-сост. Т.И. Юсупова, сост. А.И. Андреев. СПб., 2003.

Счастье вручило мне дорогой субурган!»³³ Но он прекрасно осознавал, что во многом этот успех был предопределен Григорьевым: «Сколько раз я с глубоким чувством, — писал Козлов, — здесь, на развалинах, вспоминал и еще вспомню несравненного Александра Васильевича»³⁴.

Археологические находки в Хара-Хото несколько затмили другие, не менее значимые достижения экспедиции по географическому изучению Монголии и Амдо.

Как и прежде, Козлов доставил в Петербург богатые зоологические и ботанические коллекции, которые были переданы для изучения в Ботанический сад и Зоологический музей Академии наук. Одной из наиболее ценных зоологических находок экспедиции стал маленький тушканчик, пойманный 22 мая 1909 г. вблизи развалин Хара-Хото. Как впоследствии выяснилось, это животное принадлежало к совершенно новому роду и виду. Сотрудник Зоологического музея Б.С. Виноградов, изучавший привезенные сборы, присвоил ему имя П.К. Козлова — *Salpingotus Kozlovi*³⁵.

Ход экспедиции широко освещался в российской и зарубежной печати³⁶. «Известия РГО» регулярно публиковали письма, посылаемые Козловым в Географическое общество, где он скрупулезно описывал пройденный маршрут и результаты исследований³⁷.

По возвращении экспедиции РГО устроило торжественный прием в честь Козлова. Чествование путешественника планировали провести в только что построенном собственном доме Общества в Демидовом переулке, 8 (сейчас Гривцов пер., 10). Однако ввиду слишком большого числа приглашенных лиц Совет РГО принял решение провести прием в 1-м Кадетском корпусе, на Васильевском острове³⁸. В новом же здании в Демидовом переулке было решено устроить выставку всего привезенного Козловым «научного богатства». Она открылась в начале февраля 1910 г. и имела большой успех: в течение месяца ее осмотрели несколько тысяч посетителей³⁹. Безусловно, для ученых главный интерес

³³ Архив РГО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 157. Л. 465. Дневник Монголо-Сычуаньского путешествия № 4.

³⁴ Там же. Л. 448. Дневник Монголо-Сычуаньского путешествия № 4.

³⁵ Виноградов Б.С. Заметка о своеобразном новом роде и виде тушканчика из Хара-Хото (Монголия) // Козлов П.К. Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото. М.; Пг.: 1923. С. 540–545.

³⁶ Открытие мертвого города русским путешественником // Огонек. 1909. № 44. С. 5–6. См. также: *Kozloff P.K. The Mongolia-Szechuan Expedition of the Imperial Russian Geographical Society // The Geographical Journal. 1909. Vol. XXXIV. N 4, October. P. 384–408; The Geographical Journal. 1910. Vol. XXXVI. № 3, September. P. 288–309; Kozlov P. Spedizione nella Mongolia e nel Seciuian // Bollettino della Societa Geografica Italiana. Serie IV. Vol. XII. № 6. P. 758–775; № 8. P. 865–885. Roma, 1911.*

³⁷ Вести из Монголо-Сычуаньской экспедиции под начальством П.К. Козлова // Известия ИРГО. 1908. Т. XLIV. Вып. III. С. 171–174; Вып. V. С. 299–316; Вып. VII. С. 453–458; Известия ИРГО. 1909. Т. XLV. Вып. I. С. 121–125, 147–173; Вып. VII. С. 407–432.

³⁸ Архив РГО. Ф. 18. Оп. 3. Д. 216. Письмо от 17 января 1910 г. Торжественное заседание прошло в присутствии великого князя Николая Михайловича. В зале собралось более двух тысяч человек.

³⁹ Большой фоторепортаж с выставки был опубликован в журнале «Огонек»: Выставка коллекций Монголо-Сычуаньской экспедиции 1907–1909 гг. полковника П.К. Козлова

представляли находки из Хара-Хото. Но и для просто любопытствующих здесь было много интересного: этнографические материалы, буддийская живопись и скульптура, ботанические и зоологические сборы и др. После окончания выставки книги и рукописи были переданы на хранение и изучение в Азиатский музей Академии наук, ныне Институт восточных рукописей РАН, остальные предметы — в Этнографический отдел Русского музея, где они хранились до 1934 г., после чего поступили в Государственный Эрмитаж. Здесь они экспонируются в Отделе Востока.

Очередной географический подвиг Петра Кузьмича Козлова был отмечен со стороны Генерального штаба производством его в марте 1910 г. в чин полковника; со стороны РГО — избранием в апреле 1910 г. в почетные члены Общества. Несколько позднее его заслуги, как было указано выше, были отмечены зарубежными научными учреждениями.

Особое значение материалы из Хара-Хото имели для расшифровки тангутской письменности. Разбирая привезенные находки, приват-доцент Санкт-Петербургского университета А.И. Иванов обнаружил единственный известный до сих пор тангутско-китайский словарь «Чжан-чжун чжу» («Перл в ладони»). Эта находка позволила начать работу над составлением тангутско-русского словаря. О своем открытии А.И. Иванов сообщил в статье «К изучению языка Си Ся», а затем последовал ряд других его статей, посвященных анализу документов из Хара-Хото⁴⁰. Но особенно важный вклад в тангутоведение внес ученик А.И. Иванова — Н.А. Невский. Его труд «Тангутская филология»⁴¹ заслужил репутацию одного из крупнейших филологических открытий XX в.

С коллекцией книг и рукописей из Хара-Хото российские востоковеды работают до сих пор. Подробно описаны китайская⁴² и тангутская части коллекции⁴³. Как отмечал один из самых авторитетных тангутоведов Е.И. Кычанов, современные успехи российского и мирового тангутоведения основываются именно на материалах из Хара-Хото. Результатом многолетней работы с тангутскими рукописями Е.И. Кычанова стало издание в Японии уникального Тангутско-русско-англо-китайского словаря⁴⁴.

в залах Императорского Географического общества в Санкт-Петербурге // Огонек. 1910. № 6. С. 8–9.

⁴⁰ *Иванов А.И.* К изучению языка Си-Ся. СПб., 1909; *Иванов А.И.* Страница из истории Си-ся // Изв. Имп. АН. СПб., 1911; Документы из города Хара-хото. I. Китайское частное письмо XIV века // Изв. Имп. АН. 1913. Сер. VI. № 14. С. 817–913; Памятники тангутского письма. 1918. Бумажное обращение в Китае до XV века // Материалы по этнографии России. Т. 2. СПб., 1913; *Иванов А., Ольденбург С.Ф., Котвич В.* Из находок П.К. Козлова в г. Хара-Хото. СПб, 1909; *Волков Ф.* Человеческие кости из субургана в Хара-Хото // Материалы по этнографии России. Т. 2. СПб., 1914.

⁴¹ *Невский Н.А.* Тангутская филология. Кн. 1–2. М., 1960.

⁴² *Меньшиков Л.Н.* Описание китайской части коллекции из Хара-Хото (Фонд П.К. Козлова). М., 1984.

⁴³ Тангутские рукописи и ксилографы. Список отождествленных и определенных тангутских рукописей и ксилографов коллекции института народов Азии АН СССР / Сост.: З.И. Горбачева, Е.И. Кычанов. М., 1963. 170 с.

⁴⁴ Словарь тангутского (Си Ся) языка. Тангутско-русско-англо-китайский словарь / Сост. Е.И. Кычанов; со-сост. С. Аракава. Киото, 2006.

Но не только филологические вопросы помогли решить хара-хотинские находки Козлова. Изучение обнаруженной в Хара-Хото библиотеки (древние печатные книги, киелографы и рукописи XI–XIII вв.) позволило выявить также новые факты в истории книгопечатания, проследить все этапы, технические достижения и особенности развития книжного дела в странах Востока⁴⁵.

Не менее выдающееся значение имеют вывезенные из Хара-Хото предметы буддийского культа, в частности иконы и статуэтки. Их уникальность побудила С.Ф. Ольденбурга «не откладывая дела» дать предварительное описание ценнейших находок уже в 1914 г.⁴⁶ В дальнейшем изучением этой коллекции занимались сотрудники Государственного Эрмитажа⁴⁷.

В период 1911–1920 гг. Козлов подготовил несколько публикаций, в которых были отражены основные результаты Монголо-Сычуаньской экспедиции⁴⁸. Издание же обстоятельного труда отодвинули сперва организация новой экспедиции, не состоявшейся из-за начала Первой мировой войны, затем последовавшие бурные политические события в стране. Опубликовать отчет о путешествии удалось только в 1923 г. в книге «Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото». Уже несколько подзабытое открытие вновь привлекло широкое общественное внимание. Известный немецкий путешественник В. Фильхнер, находившийся в это время в Москве, попросил у Козлова разрешения перевести книгу на немецкий язык, чтобы познакомить своих соотечественников с замечательными достижениями русских исследователей. Книга вышла в Германии в начале 1925 г.⁴⁹ Предисловие к ней написал один из самых известных исследователей Центральной Азии Свен Гедин. Второй перевод на немецкий язык «Монголии и Амдо» был осуществлен в 1955 г. Книга также переведена на чешский (1929 г.), словацкий (1951), японский и китайский (2003) языки.

Сообщения о результатах раскопок в Хара-Хото заинтересовали западных исследователей. В 1914 г. в оазисе Эдзина работал А. Стейн, в 1923 г. там побывала американская экспедиция Л. Уорнера, а в 1927–1928 гг. этот район обследовал С. Гедин⁵⁰. Их экспедиции собрали большое количество интересных находок, но повторить успех Козлова никому не удалось.

⁴⁵ См.: *Терентьев-Катанский А.П.* Книжное дело в государстве тангутов (по материалам коллекции П.К. Козлова). М., 1981.

⁴⁶ *Ольденбург С.Ф.* Материалы по буддийской иконографии Хара-Хото // Материалы по этнографии России. Т. II. СПб., 1914.

⁴⁷ *Самосюк К.Ф.* Буддийская живопись из Хара-Хото XII — XIV веков: между Китаем и Тибетом. Коллекция П.К. Козлова. СПб., 2006

⁴⁸ *Козлов П.К.* Русский путешественник в Центральной Азии и мертвый город Хара-Хото. СПб., 1911; *Козлов П.К.* Трехлетнее путешествие по Монголии и Тибету. СПб., 1913; *Козлов П.К.* Мертвый город Хара-Хото // Сборник в честь семидесятилетия профессора Дмитрия Николаевича Анучина. М., 1913. С. 31–45; *Козлов П.К.* Тибет и Далай-лама. Пг., 1920.

⁴⁹ *Kozlov P.* Zur Toten Stadt Chara-Choto. Die Expedition der Russischen Geographischen Gesellschaft nach der Mongolei, Amdo and Chara-Choto / Übers. von L. Breitfuß, P. Zeidler. Berlin: Verlag Neufeld&Henius, 1925.

⁵⁰ *Stein A.* Innermost Asia: Detailed Report of Explorations in Central Asia, Kan-su and Eastern Iran. 5 vols. Oxford, Clarendon Press, 1928; *Warner L.* The Long Old Road in China. London, 1927; *Hedin S.* Across the Gobi Desert. London, 1931.

Этот очерк хотелось бы закончить словами академика С.Ф. Ольденбурга, дающего довольно точную оценку деятельности П.К. Козлова в период Монголо-Сычуаньской экспедиции: «Часто приходится слышать, что находки, делаемые путешественниками, являются результатом “удачи”. Такое утверждение несправедливо, ибо, если путешественник что-нибудь находит, то почти всегда только потому, что он искал и умел искать. Так было и с П.К. Козловым»⁵¹.

Т.И. Юсупова

⁵¹ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 37. Д. 11. Л. 50 об. Отзыв С.Ф. Ольденбурга о трудах П.К. Козлова, 1928 г.

Дневник № 1
Монголо-Сычуаньского путешествия
1907–1909 гг.

Кяхта

Осень 1907 года. Путешественнику оседлая жизнь, что вольной птице клетка. Пройдут порывы первой радости и опять обстановка цивилизованной жизни, обыденность становятся тяжелыми. Таинственный голос будит душу, мысль уносит в покинутые места Центральной Азии. Короче — «даль зовет»! Словно в ней имеется высшее благо, которого не найти в России, в Европе. Да, это благо свободы и приволья странника, странника, всею душою любящего и понимающего природу, странника, хорошо читающего обстановку диких, неведомых до него картин природы, сделавшегося крестным отцом для многих представителей растительного и животного царств, мало этого — крестным отцом для многих гор, долин, речек и их обитателя — человека! Для меня, прошедшего столько лет среди природы Центральной Азии, вкусившего прелесть этой жизни вместе с Пржевальским, умевшим как никто другой зажечь пламень любви к науке, к путешествию, у меня сложилось убеждение, что самыми лучшими, самыми счастливыми годами моей жизни, годами, на которые я могу со спокойною совестью оглянуться, что они не пропали даром, есть года жизни в Центральной Азии. Сколько раз я бывал поэтически счастлив, стоя лицом к лицу с дикой грандиозной природой. Сколько раз поднимался на страшную абсолютную и относительную высоту, когда мог душою и сердцем чувствовать некоторую приближенность к высшему таинственному и удаленность от низшего земного. Сколько прелестных уголков среди скал и лесов, окаймленных серебристыми каскадами и ручейками, производящими волшебную гармонию, воскресают при моем воспоминании Кама и манят меня к себе! Сколько там осталось пернатых еще не виданных, не изученных! Как сильно зовут меня голосом природы известные ущелья, обставленные лесом и кустарником, где я мог часами сидеть и любоваться на храм природы с дивной гармонией звуков живых существ!

Этого признания достаточно, чтобы понять мою радость об экспедиции в Центральную Азию, вновь вверяемой мне и по желанию Государя, и по желанию и избранию ИРГО. По представлении Совета ИРГО, его вице-председателя, незаменимого Петра Петровича Семенова Тянь-Шанского, Государю Императору благоугодно было средства, дарованные им на Месопотамскую экспедицию, переименовать на экспедицию Монгольскую, вверяемую Козлову.

5 июля м[инувшего] года я отправился благодарить Е[го] В[еличество] за новое доверие монарха и за новый знак благоволения, выраженного прибавкой на экспедицию пяти тысяч рублей. Принятый в частной аудиенции (между прочим, я подносил Государю три тома научных результатов Тибетской экспедиции, тогда только что вышедших из печати)¹ как никогда просто и ласково, я пришел от Государя очарованный. На мои последние слова Е[го] В[еличеству]: «По примеру прежней Тибетской экспедиции, окончившейся столь благополучно,

позволяю просить нравственного благословения и на этот раз», — Государь заметил: «Нет, я не прощаюсь, я хочу вас видеть перед самым отъездом в ваше далекое путешествие. Ведь еще предстоит масса хлопот и времени на снаряжение экспедиции».

С искренней живейшей радостью я приступил к формированию экспедиции. Приехал в Питер и мой неизменный спутник Гавриил Иванов (Новгородской губ[ернии]). Осведомленный об экспедиции заблаговременно, я устроил мою семью поблизости в Гунгербурге², на балтийском побережье, с чудным купанием, с чудным пляжем. Усталый в городе, я радостно приезжал к семье на отдых.

Время бежало незаметно. Экспедиция сформирована. Тяжело было от назойливых приставаний желающих в путешествие — они меня совершенно изводили. С разными осложнениями и проволочками время затянулось до осени, до октября месяца, когда, наконец, можно было произнести слово: «Готово!». Вперед в счастливый час!

17 октября. Откланявшись Государю, Императрице и наследнику-цесаревичу (которого, между прочим, я видел впервые и который произвел на меня, как ребенок, самое отрадное впечатление), я на другой день, **18 октября**, уже был на вокзале Никол[аевской] ж[елезной] д[ороги]. Накануне же этого дня мой Иванов сдал багаж экспедиции, которого набралось свыше 30 мест в количестве 150 пудов. С живейшею благодарностью ценю внимание Общества, ходатайствовавшего перед М[инистерст]вом пут[ей] сообщ[ений], благосклонно оказавшим нам содействие представлением в мое распоряжение вагона II класса от Санкт-Петербурга до Верхнеудинска и о погружении экспедиционного транспорта в отдельный багажный вагон, имеющий следовать в общем с экспедицией поезде.

Проводить в путешествие на вокзале собрался самый дружественный мой кружок, самый дорогой, самый желанный: С.Ф. Ольденбург, А.В. Григорьев, Н.И. Григорьева, А.А. Достоевский, барон П.А. Рауш-фон-Траубенберг, А.Д. Руднев, В.И. Липский, А.Е. Снесарев и Е.В. Снесарева, В.Ф. Новицкий, Н.Н. Кузнецов, Ю.М. Шокальский. Тут были и представители Академии наук, и представители Географического общества, и представители Генерального штаба и другие. При сердечных пожеланиях поезд отошел и скрылся во мраке ночи. Я мог отжаться в скором поезде, в отдельном купе, заполненном различными научными инструментами, сам себе, своим личным впечатлениям. Петербург оставался позади, впереди Москва, дорогая мне потому, что в ней, кроме моей дорогой семьи, имелись и искренние друзья. Петербургская толчея и беготня приятно сменилась в Москве тишиной, убаюкивающей жизнью. Моя дорогая жена самым заботливым образом обставила мой покой, мое пребывание среди семейного очага. Я мог и, действительно, отдохнул душой и телом перед отдаленным походом. Дела экспедиции делались исподволь, как приятное разнообразие. Свидание с друзьями, родными и знакомыми также. Особенно внимательно ко мне относились знакомые профессора М[осковского] у[ниверситета] и сотоварищи по полку.

Новый отец-командир, полковник Александр Иванович Чаплыгин, собрал товарищей в тесном кружке (кремлевское собрание) и весь полк в Манеже, где он от лица полка благословил меня и моих трех юных молодцов-спутников на-

тельными крестами с надписью «Спаси и сохрани». Самый момент благословения никогда не изгладится из моей памяти. Благоговейная тишина царила в Манеже при слушании полкового священника. Моя жена была свидетельницей этих минут. Я и трое гренадер стояли впереди. После краткой, сильной речи приятного священника, сказал искреннее слово А.И. Чаплыгин, одевая на меня и ниж[ние] чины символическое благословение. Не выдержала моя душа задушевных чувств и впечатлений, слезы брызнули при виде ласкового лица милой жены и я, едва-едва справившись, мог высказать благодарность, накопившуюся к полку с первых моих лет службы вообще и с первых дней московского пребывания, в частности.

Минуты, проводимые дома, с женою и детьми ласкали меня несказанным образом. При мысли о предстоящем расставании на сердце становилось тяжело, давила тяжестью предстоящая минута расставания.

Подкатило и это роковое число — **10 ноября**. Крепиться не было сил: малодушничал. Сумерки. Едем после прощания с домом, с детьми на вокзал. У выхода, крыльца, молодой человек просится в путешествие. А вот и вокзал. Милый М.А. Мензбир первый попал на глаза, там и сям товарищи-офицеры, друзья, родные, знакомые. Вскоре кружок мой перемешался, мило перетасовался — профессора, офицеры, юные, убеленные сединами и прочие. Приятнейшую речь с бокалом в руке сказал маститый Н.А. Умов, затем А.И. Чаплыгин, затем я, опять мои друзья, опять я. Сказал просто, искренне, с тактом и мой Иванов. Звучки ротной музыки усиливали подходящее душевное настроение. Тяжело было оторваться от горячей груди, от горячих, ласковых, жгучих поцелуев и благословений жены. Ее ласковый, живой, чистый, светлый образ запечатлелся сильно в моем воспоминании, и будет облагораживать мою душу, очищать от всяких неподобающих, нечистых помыслов.

Мое высшее желание оправдать мои вожделенные мечты! Помоги мне, Бог, в моем деле и в нравственном сохранении тела и души!

Наконец оторвалось все. Слова «до свидания!» перемешались со звуками екатеринославского марша³, все более ослабевавшим и ослабевавшим. Все дорогое оставлено в Москве. Тяжелый мрачный свод ночного неба окутал и мысли. Невольно отдаешься сам себе, хотя, идя в купе, я по дороге поздравил своих молодцов с походом.

Началось путешествие. Дни за днями бежали быстро. Промелькнул и красивый Урал, и степные, и лесные, и равнинные, и горные пространства колоссальной Сибири. Наше внимание останавливалось на Иркутске, где экспедиция по разным делам должна была прожить несколько дней, прежде чем начать двигаться дальше.

Морозы постепенно крепчали, в воздухе летали белые мухи. Зима надвигалась. Наконец и желанный Иркутск, где мы были радушно приняты и кружком Генерального штаба, и кружком сочленов ИРГО во главе с Ник[олаем] Ник[олаевичем] Курмаковым.

В Иркутске к нам присоединился штабс-капитан, с 6 декабря м[инувшего] года капитан Петр Яковлевич Напалков (Штаба корпуса военных топографов) — наш четвертый товарищ. Из Москвы со мной ехали: геолог А.А. Чернов, коллектор, ботаник и энтомолог С.С. Четыркин, неизменный фельдфебель

Иванов и новички гренадеры: Демиденко, Санакоев и Давыденков. В Иркутске конвой увеличился забайкальцами Бадмажаповым и Содбоевым.

В Иркутске же меня баловали широким гостеприимством и старые, и новые знакомые иркутяне. Пришлось прожить шесть дней, из которых два дня — первый и последний — праздники. С.Н. Родионов особенно оказал внимание и заботливость. У него же я оставил и свою форму, нужную мне на обратном пути с Иркутска. Но особенной благодарностью я обязан генерал-губернатору г[енерал]-л[ейтенанту] А.Н. Селиванову и как начальнику края, и как человеку. В гостеприимном русском доме я был принят, обласкан, словно родной, и чувствовал себя самым непринужденным образом в милом о[бщест]ве.

26 ноября, праздник ордена Св[ятого] Георгия Победоносца, а для сибиряков — и их патрона Иннокентия, я бóльшую часть дня провел в гостеприимном доме А.Н. Селиванова, а вечером, напутствуемый лучшими пожеланиями кружка ИРГО с Н.Н. Курмаковым в заводе⁴, продолжал путь к Верхнеудинску. Сибирь. Красавица Ангара еще не думала о ледяном покрывале, равно как и ее суровый отец — Байкал, грозно ударявший о скалистые берега тяжелыми волнами. Ночной мрак и бесконечные байкальские тоннели усиливали своеобразность впечатлений.

В Верхнеудинске я был встречен и провожаем затем в дальнюю дорогу представителем ламаистского духовенства Восточной Сибири, бандидо хамбо-ламой Иролтуевым, поднесшим мне плат счастья — хадак. Лихая протяжная тройка, а местами и четверка, лихо катила в санях меня и А.А. Чернова сначала по Селенге, ее притоку Чикою, а затем наперерез более или менее гористой местности. Чем дальше, тем более и более сказывался грандиозный масштаб, в котором построена природа Азии. Мощные обнажения, скалы, утесы, россыпи вдали привлекали моего пылкого, пытливого геолога. Он своим восторгом, восхищением, подъемом чувств положительно радовал меня и приближал к себе приветственной связью. В Верхнеудинске он даже не утерпел — сходил в экскурсию, поднялся на вершину и долго любовался открывшейся перед ним картиной.

Наш тяжелый транспорт проследовал от Верхнеудинска до Кяхты на колесных двуколках под охраной конвоя. Фельдфебель Иванов присматривался к новичкам и поучал их «уму-разуму» перед выступлением в далекую экспедицию.

2 декабря. Около десяти часов утра я и А.А. Чернов прибыли в Кяхту. Благодаря почти полному отсутствию снега, ехать в санях затруднительно. Наш ящик, из Верхнеудинска, на четверке спустился на реку и по ледяной поверхности домчал быстро до Кяхты, до дома Общественного собрания, иначе — клуба. Здесь мы были встречены прежним слугою Осипом и, благодаря любезности кяхтинских старшин с В.Н. Молчановым во главе, нашли все удобства к продолжительному пребыванию на границе. Л.П. Молчанова позаботилась об убранстве наших спальных комнат. Не успели разобраться, явился любезный М.А. Бордашев, чтобы по поручению К.Х. Лушниковой пригласить нас к обеду. Как были, так и отправились. Здесь, в гостеприимном доме, мы были обласканы и накормлены. Этот дом для меня знаком с давних времен, я также давно знаю почти всех детей покойного Алексея Михайловича, с которыми дружил Н.М. Пржевальский. Юных членов дома не было, многие разъехались. На сле-

дующий затем день появились П.Я. Напалков и Четыркин. Осталось ожидать наш экспедиционный транспорт (с Ивановым).

Начались приготовления к сборам, сначала к их подготовке. С приездом транспорта, а на другой день забайкальцев — Телешова, Ар. Мадаева и Б. Мадаева, — дело пошло быстро. Нужно было все разобрать и освобожденные ящики сдать в переделку. Застучали топоры, молотки, завизжала пила. Самые разнообразные дела включались в требование экспедиции. По временам производилась практически боевая стрельба из трехлинейных винтовок.

Столяр-китаец подготовил ящики, мои молодцы-спутники клеили их и красили, затем обшивали углы, пристраивали веревочные петли для выючки. Словом, работа кипела вовсю. Молчанов и Лушниковы старались прийти к нам тем или другим делом на помощь.

Препараторы экскурсировали и кое-что сделали по части препарирования птичек. И в этом отношении В.Н. Молчанов приходил к нам на помощь: он любезно доставил птичек — пару рябчиков и пару свиристелей, первый и последний номера (1, 15)⁵, собранных в Кяхте. И.Н. Молчанов не преминул «угостить» меня и облавою на диких коз. Это удовольствие, о котором я мечтал еще будучи в центре России, мне было особенно приятно. Ведь в Кяхте я впервые, в 1883 г., с Н.М. Пржевальским, понял эту прелесть, но только отчасти — отчасти тем, что я тогда совершенно не умел стрелять и козы, пробежавшие подле меня, ничего кроме страха не получали — жизнь их оставалась вне опасности. Обстановка же охоты меня очаровывала. И вот, наконец, спустя 24 года опять стоишь на номере.

Чудный был день первой облавы. Мы приехали на тройках в Монголию, к табору. Здесь томились загонщики-монголы, предводительствуемые, с одной стороны, охотником-монголом (Лапсан), а с другой — русским Калашниковым, заводившим загонщиков, тогда как расставлял стрелков Лапсан, понимавший и знавший охот[ничью] тактику одинаково с Калашниковым. До завтрака загонное было сделано четыре. Я не стрелял, но видел стайку, мелькнувшую в кустах; одна коза даже постояла минуту и исчезла далеко. День выдался на славу. После завтрака, когда охотники сошлись было посидеть на солнышке, Калашников, однако, заметил: «Ну, господа, пора ехать в новое место!». Все повиновались, сели верхом и поскакали к открытой березовой поросли, где высокая трава привлекала косуль. По дороге на отдельных березах темными почками красовались косачи, грузно снимаясь при нашем к ним приближении. Быстро рассчитавшись на номера, мы слышали голоса загонщиков, а немного спустя увидели и самих коз, бежавших табунками или парочками. В волнении дрожащими руками сжимаешь ружье, но козы пробежали вдали! Больно охотничьему сердцу видеть высокие прыжки косуль, а еще более слышать выстрелы соседей! Но вот несется тройка коз и на меня. Старый гуран стал подсказывать ужасно... Еще минута, звери около меня. Первый выстрел по старику, второй по первому в гусевом порядке⁶. Оба зверя упали в расстоянии 15 шагов друг от друга. Радость моя была великая, понятная охотнику. Я с благодарностью вспомнил моего иркутского приятеля С.Н. Родионова, снабдившего меня патронами, снаряженными бездымными гильзами, преимущество которых ясно, и выражается в тихой трескотне и устранении дыма, мешавшего ранее наблюдать и замечать

самое падение зверя. Сколько прелести тихой я чувствовал в лесу: подле меня проскакивали зайцы, иногда до 6 штук, справа и слева; дятел долбил дерево, синицы процессией перемещались, оглашая свой путь благозвучными трелями.

По окончании облавы радостный, закутавшись в шубу, на тройке поехал домой. Сумерки пылали; темный небесный свод зажегся массами огоньков больших и малых звезд, дивной по блеску планеты Сатурн. Обвеваемый грезами о России, о далеко оставшейся семье, еду в семью экспедиционную.

Вторая моя облава была устроена любезным А. В. Швецовым — ныне стариком, но молодым душой. На этот раз весь день шел мелкий снег, погода улучшилась лишь к утру, хотя и вечером ясное солнышко красиво освещало лес. Теремов было очень много. Я искусился выстрелить по черному, усевшемуся на вершину могучей сосны, под которой я стоял. Косач упал почти к моим ногам. Я также добыл пару чечеток.

Единственный выстрел по козе не пропал даром — шкура бол[ьшой] самки попала в нашу коллекцию. Интересно бежала мать-коза с бол[ьшим] детенышем. Она показалась было мордочкой издали, затем быстрыми прыжками понеслась вдоль опушки леса, у края сосен, детеныш прикрывался боком матери. Я выстрелил наудачу. Но монголы заметили, что зверь упал, отбежав шагов на 80 или 100. В общем коз было немало, стрельбы также, но убитых была лишь моя одна. На этот раз загон не был веден так удачно, как прежде. Тем не менее, лично я был очень доволен и с прежним чувством удовлетворения поехал домой.

Между тем время бежало, снаряжение подвигалось вперед. Больной переводчик Сахаров был счастливо заменен стар[шим] ур[ядником] Полютовым, который, таким образом, должен был собраться в двое суток. Кормился отряд по-походному — из общего котла. Периодически члены экспедиции пользовались широким гостеприимством кяхтинцев или, реже, троицкосавцев.

Желающие поехать с нами нас не забывали: почти ежедневно являлись то военные, то штатские с предложением услуг. Письма получались по-прежнему, но преимущественно из Сибири.

Кяхтинский музей⁷ на моих глазах растет и совершенствуется; музейная библиотека также. Последней я и А. А. Чернов пользовались во время пребывания в Кяхте.

В подотд[еле] Географического общества⁸ я и геолог были дважды, последний раз на общем собрании, в котором, между прочим, я изволил себе сказать и программу моего Монголо-Сычуаньского путешествия. Затем председатель Общества и секретарь предложили мне принять председательствование в дальнейшей части обсуждения. Многочисленное собрание мне представилось таким, каким я его видел шесть лет тому назад при первом докладе о моем Тибетском путешествии⁹.

Теперь о персонах экспедиции. Ее начальник я; мой ближайший сотрудник и товарищ — геолог А. А. Чернов, топограф П. Я. Напалков (капитан), заболевший было в Кяхте, но в дороге поправившийся, и четвертый член экспедиции С. С. Четыркин. В состав конвоя вошли: фельдфебель Иванов и прочие гренадеры-екатеринославцы: ефрейтор Влас Демиденко, Матвей Санаков и Мартын Давыденков; казаки-забайкальцы: старшие урядники Пантелей Телешов (препаратор), Ефим Полютов (переводчик); мл[адший] ур[ядник] Арья Мадаев (младш[ий])

препаратор), казаки-конвоиры Буянт Мадаев, Гомбо Бадмажапов и Бабасан Содбоев, словом, отряд сформировался из четырнадцати человек.

Вначале я предполагал, что мы справимся к сочельнику, но оказалось, очень мало времени для обстоятельного снаряжения, в особенности если припомнить, что в предыдущее путешествие, в Алтайской станице, я собирался с 11 июня по 14 июля*, ныне же с 2 по 28 декабря. Праздники служили отчасти помехой, хотя экспедиция праздновала один, первый день, второй же и третий экспедиция собиралась.

К удовольствию и развлечению нашему получались разные корреспонденции — казенные, частные. Географическое общество заботливо дослало инструменты, книги. Но самым высшим наслаждением было получать письма из дома и, реже, от искренних друзей. Чтением заниматься не было времени; газеты пробегались одним из нас и самое важное читалось вслух.

На праздники и в будни в Кяхте и Троицкосавске, конечно, в богатых домах, пилось очень много шампанского. Я имел случай почти ежедневно там или сям, по поводу того или другого события выпить один-два бокала. Едят везде также много и очень вкусно.

Праздниками, на 3-й день, накануне нашего выступления в путь я получил почетный билет на спектакль, имеющий быть в пользу неимущих учениц высшей гимназии. Спектакль удался лучшим образом. Я был и видел еще раз, в целом, общество Кяхты и Троицкославца. То был последний день и вечер.

К этому времени экспедиция окончательно снарядилась. Лишнее, нужное на обратный путь, было сдано К.Х. Лушниковой на хранение. Мои: пальто, сабля, две корзины (одна побольше, другая — поменьше, с навешан[ными] замками), ящик темный с ошурочками¹⁰, ящик пустой (большой, от граммофона). Деньги — десять тысяч для расчетов на границе, по возвращении, также были сданы в местное Казначейство на текущий счет.

Общество приглашало нас нарасхват. Оно же позаботилось о снабжении нас в дорогу вкусными заедочками и отчасти усладочками. Больше всего позаботились дома Лушниковых (К[лавдия] Х[ристоворовна] и И[ннокентий] А[лексеевич] и Л[еоид] Н[иколаевич(?)]), Л.П. Молчанова, С.Я. Синицына и других. Лучшее и искреннее гостеприимство мы имели в домах Молчанова, Лушниковой и Собенниковой.

Два слова о Рождестве, елке. Первый день праздников Р[ождества] Х[ристова] — а мы только первый и праздновали — я провел отчасти в праздничных и прощальных (заодно) визитах, отчасти на обеде, елке и вечере у милых Молчановых. Обед был в 5 часов. В семь зажгли елку и впустили детей — малых и взрослых. Я мысленно тотчас перенесся в Москву, в свою дорогую семью, где также елка играла и играет немаловажную роль. Живо мне напомнилась елка минувшего года — своя и С.А. Пржевальской, где наш сын весело и оживленно проводил время.

Молчановская елка (точнее — сосна, из соседнего леса) была хорошая, убрана богато и симпатично. Полюбовавшись ею и поведив [хоровод] вокруг елки с детьми, мы все стали снимать подарки, с отметками кому! На долю участников

* Надо однако заметить, что в Алтайскую прибыли одновременно и я, и транспорт, тогда как в Кяхту я раньше трансп[орта] на 4 дня.

Монголо-Сычуаньской экспедиции подарков пришлось дов[ольно] много, а главное, каждый из нас получил по существенному — прекрасным рукавицам и по коробке конфет (мои конфеты — особенная малина). Удивительная по своим качества женщина, супруга Влад[имира] Ник[олаевича] Молчанова, Любовь Петровна. Она все устраивала с замечательным тактом: позовет ли пообедать — накормит и напоит замечательно, позовет ли вечером или на елку — все останутся в восторге.

Накануне выступления день (**27 декабря**) прошел в подведении итогов — в последней укладке, в последних расчетах.

28 декабря. Утро холодное, ветренное, небо заволочено слоистыми облаками. Мы все на ногах еще задолго до рассвета. Все прибирается, все укладывается. Вещи — багаж — после чая выносятся наружу, во двор, распределяемые на три линии — эшелона. Пришли наши друзья проводить нас. Люди поели и в 12 часов приступили к выючке. Несмотря на неопытность, ровно в один час выючка окончилась (30 вер[блюдов]) и отряд, усевшись на лошадей (за исключением Иванова, Демиденко и Содбоева, ведущих эшелоны) и взяв верблюдов, направились в путь — в Монголию. Во время выючки П.Е. Генке — комиссар — фотографировал нас. Проводив караван, мы отправились завтракать к милейшему Молчанову (еще утром Люб[овь] Петр[овна] приходила приглашать покушать в дорогу — и это вышло, опять-таки, весьма кстати). По дороге к Молчанову мы забежали на минуточку еще раз попрощаться с милой К.Х. Лушниковой.

У предупредительной Люб[ови] Петр[овны] завтрак был готов, и мы в 2 часа распрощались с замечательным семейством (В.Н. [Молчанов] снабдил меня письмами в Алашань — Ургу для оказания мне содействия), сели на оседланных коней и, сопровождаемые чиновником-монголом до Урги, быстро поскакали вслед каравана. Юный Молчанов — Иннокентий Александрович — не отставал от нас, чаще других проводывал во время наших сборов или сопровождал геолога экспедиции на экскурсии. На окраине Кяхты и Маймачена¹¹ мы уже заметили наш караван, широким темным пятном тянувшийся по дороге среди монгольского плато, убранного основательным (до 2–3 вершков) снегом. Скоро мы догнали караван, шедший в строгом порядке. Мороз крепчал. Сумраки надвигались, мы пришли в Гилян-нор, первый уртон-ночлег¹², в 12 верстах от Кяхты. Заря ненадолго зажглась дивным блеском. Первая заря Монголии. Бивуак скоро уснул, у нас был гостем Кеша Молчанов.

29 декабря. Сырое, холодное, снежное утро. Мы быстро поднялись и продолжили движение в прежнем, южном, направлении. Усевшись на лошадей, дружески распрощались со своим последним гостем — русским человеком. И.А. Молчанов быстро помчал домой, окутываемый снежной пеленой. Караван двигался к Ибицыку. Снег скрывал горизонт; встречных почти не попадалось. Довольно порядочные горы казались силуэтом: снег вился, клубился, но в воздухе было не особенно холодно и мы подвигались успешно — от уртона к уртому, или иначе от станции к станции. Надо заметить, что в Монголии передвижение происходит иначе, нежели у нас. Монгольские станции, по крайней мере, станции по Кяхта-Ургинскому тракту, устроены следующим образом. Станция представляет из себя монгольское стойбище, в 6–10 юрт, с ямщиками монголами, живущими «ямщиной». Самая ямщина — это повинность, в наше время (да кажется и постоянно) отправляемая четырьмя хошунами: Тушету-хана,

Сайн-нойона, Цицин-вана и Балдын-цзасака. Над всем трактом имеется начальник — чиновник-монгол в звании полковника (с розовым шариком на голове)¹³. Станционный же смотритель, своего рода, тоже чин, с белым шариком, с общей кличкой «цзангин» (подходящее звание нашему станционному атаману); в помощь или в замещение цзангина назначается лицо ему помогающее — с золотым шариком. Обыкновенно эти помощники становятся в последующем цзангинами. Каждый уртон снабжен несколькими десятками лошадей, иной даже сотней. По общему соглашению цзангин, и вообще станционные люди, живут всю свою жизнь ямщиной. Многие здесь и родились. Иногда цзангинство передается по наследству, и известная часть одного из четырех хошунов, перебравшаяся на уртон, живет этой новой жизнью несколько поколений. Случается, что за нерадение или другие отрицательные стороны, многих отправляют обратно, восвоаяси, требуя лучших заместителей. Начальники над уртонами в чине полковника назначаются китайским чиновником (ургинским амбанем), а цзангины назначаются и смещаются, если это нужно, начальником всех одиннадцати уртонов.

Других повинностей эти монголы уже не несут. Теперь, когда нужно проезжать тому или иному китайскому начальнику, китайцы делали распоряжение — сношение с полковником-монголом. Тот, в свою очередь, пишет бумагу, которую мчат без оглядки курьеры с приказанием сколько поставить юрт, как их разместить, сколько готовить лошадей верховых, сколько под вьюк, сколько заготовить дров, воды и прочее, с указанием тогда-то, приблизительно, поедет такое-то лицо. Почта в счет не входит. Она, как и у нас, идет своим чередом: приходит на станцию, сменяются люди, лошади, остаются лишь русские ямщики, собственно не ямщики, а чиновники или казаки, коим вверена почта. Для лучшего удобства почта имеет свой отдельный маршрут — путь, вьющийся поблизости телеграфных столбов. Параллельных дорог (колесных, вьючных) от Урги до Кяхты масса. Русская власть нанимает богатых чиновных монголов для транспортирования легкой и тяжелой почты не только между Кяхтой и Ургой, но и дальше, через юго-восточную Монголию, через Калган в Пекин.

Китайцы-чиновники не платят на уртонах, если не считать весьма редких исключений. Русские же чиновники всегда дают и, чем выше положение, тем больше. Монголы с этим обстоятельством считаются и служат очень хорошо.

Таким образом от Кяхты до Урги я устроился на счет передвижений личного персонала и ночевок, пользуясь уртонами. Для этого мне пришлось в Кяхте сообщить комиссару, последний снесся с цзангином и прочее, и экспедиция следовала от уртона к уртому, где уже нас ожидали приготовленные три юрты (для офицеров, для конвоя и для монголов-погонщиков). Наш багаж шел по особому, частному найму монголов на 30 верблюдах. А на трех верблюдах сидели мои люди — жоаки.

Общий караван был большой. Я следовал впереди с Бадмажаповым и одним монголом-проводником. Геолог экспедиции ехал также с монголом, могущим давать названия гор, речек, урочищ и т. д. Собственно караван следовал под ближайшим наблюдением капитана Напалкова (топографа, ехавшего пока свободным), двигавшегося впереди каравана. Четыркин следовал в аррьергарде.

Вставали мы до зари. С зарей снимались с бивуака и шли до следующего ночлега, часто весь день. Позавтракав утром, обедали почти вечером.

Мы с благодарностью вспоминали обитателей Кяхты, щедро снабдивших нас хлебом-солью. Это обстоятельство в дороге очень важно, и я никогда не забуду искренней симпатии домов Молчанова, Лушников и других.

До уртона Ибицк снег шел, не переставая, горами любоваться не приходилось. Досадно, что до уртонов, всегда почти устраиваемых в стороне, приходилось делать несколько верст лишних. Правда, из-за этого являлось неизбежное большее знакомство с местностью. В особенности в целях геологических и зоологических. В общем, вечером или днем монголы встречали нас, наутро провожали, за исключением одной станции — Урмукутуй 1 января 1908, на которой экспедиция дневала, и где стоит знаменитая в своем роде гора Шара-хада, послужившая объектом для изучений нашего А.А. Чернова, нашедшего в ней много окаменелостей (палеозойских).

30—31 декабря. Эти дни стояла ясная, тихая погода; воздух отличался дивной прозрачностью, свежестью. Во время движения даль открывала красивые виды: волны высоких и низких гор то группировались в беспорядке, то вытягивались в правильные цепи, вершины которых блестели матовой белизной. Дорога, местами тропа, змеей вилась на дне или по скатам. На главные дороги выбегали из сторон, из укромных, защемленных от «садкого», скверного ветра и открытых солнечным лучам мест, где вился дым, изобличавший жизнь номадов. С известной вершины дорожка правильной лентой извивалась прямо к стойбищу. Там, повыше, по скату пасся привычный монгольский скот — коровы, бараны, лошади и т. д. Подле жилых мест всегда было теплее. Там и сям рассыпаны в степи, в соседстве жилых мест, догыны — кумирни или куры, находящиеся в ведении ургинского хутукты или богдо-гегена. Последним назначаются и настоятели этих молитвенных мест. Куйтунский догын четыре раза в год громко отправляет богослужение при собравшемся народе. Теперь же он молчал; я не видел ни одного из лам.

Сделав в два дня 68 верст, в последний, накануне Нового года, — 41 [версту], (и еще в самый первый день Нового года 23 версты от Куйтуна до Урмукуту) мы расположились у южного подножья Шара-хада. Погода стояла ясная, морозная. Геологический молоток Чернова гулко стучал по интересным камешкам породы. Все в сумме — и интерес к Шара-хаде, и почти половинный пройденный путь — располагало нас устроить дневку. Здесь мы по-своему праздновали Новый год.

1 января [1908]. С прихода в Новый год, за прекрасное поведение, за искреннее отношение к делу экспедиции моих спутников я отдал по отряду следующий приказ:

«Урочище Урмукутуй, бивуак экспедиции, 1 января 1908 года.

Пять дней тому назад Монголо-Сычуаньская экспедиция перешагнула отечественную границу и вступила в Монголию. Сегодня первый день Нового года, который экспедиции суждено целиком провести в Центральной Азии. Этот день для меня будет особенно памятен, я его много раз, в будущем, вспомню с удовольствием. Моя новая экспедиция удачно началась: мои сотрудники от мала до велика меня радуют. Несмотря на необычайные холода, шутят товарищески и пренебрегают невздами. Мне приятно отметить этот день чем-либо особенным.

К сожалению, в моем распоряжении нет иных средств для выражения благодарности моему неутомимому спутнику фельдфебелю Иванову, кроме при-

знания и душевного к нему расположения за труды в экспедиции со дня ее существования. Прочих гренадеров: ефрейтора Власа Демиденко, рядовых Матвея Санакоева и Мартына Давыденкова я счастлив, согласно § 8 Всеподданейшего доклада¹⁴, сегодня произвести в младшие унтер-офицеры. Остальных душевно благодарю и надеюсь, что в скором времени все участники экспедиции сплотятся в одно стройное сильное целое и помогут мне достойнейшим образом выполнить поручение Державного вождя и Русского Императорского географического общества. В этот же знаменательный день, я, согласно Высочайшей воле, счастлив передать персоналу экспедиции нравственное благословение Его Величества на трудный славный путь!

Поздравляю Вас с Новым годом, а моих екатеринославцев-гренадеров и с производством».

На Новый год мороз ударил самый сильный $-47,3^{\circ}\text{C}$.

Усладились пельменями, ликером, конфетами; нижним чинам на радости дана чарка водки, сигары и общие услады.

День стоял морозный, ясный. Мои сотрудники несколько раз поднимались на гору. (За пару баранов здесь запласт[или] 10 рублей без шкуры и внутренностей).

Забыл было отметить массовое наблюдение бородатой куропатки, скопившейся в огромном количестве — штук до 200–300 среди монгольских юрт. Эти птички вели себя с замечательной доверчивостью по отношению к человеку. Они кормились, подобно курам, они подбегали вплотную к людям, заметив, что те что-либо выбрасывают. Среди полной тишины их голоса — свистяще-скрипучие — только и слышались повсюду. Днем, на солнце многие птички беззаботно ложились, пригревались, иные даже хлопали крыльями, обдавая себя темною пылью. От времени до времени куропатки поднимали тревогу и убегали группами под какое-нибудь прикрытие или продолжали лежать словно мертвые, чтобы не выдать себя налетевшему хищнику (*Saker, hendersoni = Falco*)¹⁵. Наш препаратор Телешов также временно нарушил покой этих доверчивых птиц, сделав по ним 5 выстрелов и убив 23 экз[емпляра]. Птички было разлетелись, иные разбежались, но через час, а то и раньше, их можно было видеть в том же почти огромном количестве и там же, где и прежде.

На следующих уртонах мы только любовались боролатыми куропатками, подбегавшими к нам вплотную. Птички от холода съеживались в клубочек, в рыхлый шарик, над которым красиво поднималась головка. Выбрали лучшие экземпляры, которые, между прочим, имели черное пятно на животе, развивавшееся во всей полноте или почти отсутствовавшее, с легкими лишь намеками на последнее.

3–4–5 [января]. В эти дни солнце забыло нас: яс[ная] погода сменилась на облачную, хотя ночной *minimum* все еще держался на $-37... -40^{\circ}\text{C}$. Двигались по-прежнему успешно. Хребет Манхадай приближался с каждым днем. Его внушительный абрис производил еще более сильное впечатление окутанный в сплошной снеговой покров, местами темневший сплошными лесными зарослями. Благодаря обилию того же снега мы главный проход оставили восточнее, а прошли по перевалу Сэпсул-дабану, поднятому над морем на 4500 фунтов. Подъем, хотя и крутоват, но мягок, камней мало. Мы поднялись на вершину,

увенчанную обо, в то время, когда солнце позолотило высшие точки гор, высшие скаты у перевала. Тетерева-косачи также уселись на верхней границе деревьев — берез, группами до сотни черных точек, резко выделявшихся на значительном расстоянии. У перевала видны были свежеставленные лежки косуль, по которым впоследствии стреляли ехавшие при караване, но безуспешно. Я и препараторы стреляли здесь птиц, соек, ястребиного сирина; эти птицы пополнили нашу зарождавшуюся коллекцию по орнитологии.

За хребтом Манхадай, к югу вскоре залегает долина Хара, с речкой того же названия, по которой, там и сям, китайские фермы — попытка желтолицых колонизировать эту отдаленную окраину. В целях сближения или слияния с монгольской народностью, китайское правительство не позволяет на окраину вывозить свои семейства. Таким образом, селяки обязаны вступать в законное или незаконное сожительство с туземцами и производить ублюдков, вероятно, в прямом и переносном смысле.

За Хара местность снова заволновалась отпрысками то же хребта Манхадай. Мой геолог утешался интересной работой, массами выходов, обнажений; он положительно не замечал, как бежало время в течение ежедневных передвижений каравана.

В этой же долине Хара нас навел монгол — чиновник, украшенный розовым (полковник) шариком, заведующий всем Кяхта-Ургинским трактом, чтобы осведомиться, как благополучно мы следуем в пути.

Здесь же мы встретили и русский дом — семью, ютившуюся в соседстве китайцев и монголов, русских людей с русской фамилией Калмыковы. Две женщины встретили нас радушно и угостили чаем; на столе пыхтел и парил бол[ьшой] самовар. Хозяйева отсутствовали в Кяхте за предметами продовольствия; молодая и престарелая женщины скучали одиночеством. Морозы сильные прекратили частое сообщение между Ургой и Кяхтой, к тому же, 5 января праздники еще не окончились.

«Бадмаевский»¹⁶ дом был обнесен стенкой; у ворот сторожили входящих злые собаки местной монгольской породы.

6—9 января. В последние четыре дня мы достигли Урги. Местность продолжала хранить горный характер. Самые ночлеги, уртоны, располагались также высоко, в области скал и границы древесной растительности. Дорога описывала гигантскую волну, в особенности на сокращенных тропах, доступных лишь для верховых путешественников. Караван же извивался по пути и в горизонтальном, и в вертикальном положении.

Особенно памятным осталось урочище Хунцыл, где скалы, сложенные из гигантских обнажений (местами матрасовидных), и среди скал валяющиеся, также гигантские, отторженцы привлекли внимание нашего геолога. Чернов потратил всю половину дня и следующее утро в целях большего ознакомления с горами. Он и Четыркин сделали фотографические снимки. В лесу добыта интересная уральская неясность — ютившаяся в верхнем поясе гор, среди леса и отвесных скал. В то время, когда Чернов и Четыркин переговаривались в горах, последнему подвернулась эта птица, летевшая, вероятно, на промысел, но сама попала в коллекцию!

Чернов поднимался довольно высоко и помимо интересных выходов он был награжден дивною панорамой, открывшеюся перед его очарованным взором.

«Так приятно было созерцать, — говорил А.А. [Чернов], — такое огромное скопление гор, развертывавшихся во всех направлениях, но уступающих в вышине тому участку, на котором я находился». Мне всегда доставляет великое удовольствие видеть и слышать Чернова, возвратившегося с экскурсии; его лицо в таких случаях прекрасно.

В первый день движения каравана (накануне, между прочим, наблюдали около 2–3 часов дня световой эффект солнца, halo, подобное halo, описанному мною на с. 123 «Монголии и Кам»¹⁷).

Ранним утром у самой дороги, по плотному снегу мое внимание было привлечено катившимися клубком — зверьками, хорьком и пищухой. Изящный верткий хорек извивался и грыз свою, превосходящую по компактности размеров, жертву. Завидя людей, он тревожно поднялся на задние лапки, свечкой, и торопливо покатил трупик *Lagomys*'а. Мой выстрел по хищнику не причинил ему мгновенной смерти — хорек успел вползти в нору пищухи, но пищуха, загрызенная хорьком, взята нами в коллекцию. Хорек прокусил грызуну череп и нанес рану на задней ноге острыми клыками.

На том же ночлеге, Хунцыл, мы встретили одного из учеников переводческой Ургинской школы — Кондакова, ехавшего в Кяхту с поручением от консульства. Этот симпатичный молодой человек рассказал нам об Урге и о том, между прочим, что мою экспедицию там уже ожидают. По совету юнца, я написал вторичное письмо Шишмареву с просьбой приютить экспедицию в консульстве и о точном дне прихода моего в Ургу.

Наутро следующего, **7 января** дня, когда мы перевалили высокий отпрыск хребта, дул леденящий, пронизывающий северо-восточный ветер — «садкий»; было холодно и неприятно так, как даже не ощущалось и при минувшем морозе в -47° . Мы все кое-что ознобили: кто нос, кто кончик уха, я — подбородок, Чернов — щеку и нос и так далее. Холод был анафемский — хотя minimum -29 только, но это «только» всегда останется памятным. Хорошо еще, что поднявшись на хребет, в область, освещенную солнцем, ветра больше не ощущалось. Монголы говорят, дует только в одном месте; они стараются пронестись по нему в карьер, но от этого становится еще холоднее. Ветер положительно проникает или, как г[оворят] казаки, «забивается» всюду.

С приближением к Урге у всех нас возрастало стремление попасть туда; отсчитывали дни и юные спутники. Солнце, поднявшееся к зимнему зениту, в тихое время пригревало немного, нежило и после холода утреннего клонило ко сну. Снег на ближайших вершинах гор искрился, блестел, на сопках кричали клушицы, вдоль горных скатов изредка проносились орлы, за которыми с клеткотом гонялись сарычи, удаляя царственных хищников от своего насиженного места. Часто, по крайней мере, чаще, нежели прежде, стали попадаться вереницы скрипучих монгольских телег, запряженных быками.

С последнего ночлега, Куй-Аюши, отряд снялся очень рано, до зари, пользуясь лунным освещением. Долго шли — вплоть до прямой дороги, прежде, нежели занялась красавица-зорька.

Я всегда следовал быстрее, и теперь, когда уже поднялись на перевал Тологойту (около 5 500 футов абс[олютной] выс[оты]), караван только вползал, как червяк, на его подошву. Пронизывающий ветер обдал нас на Тологойтэн-дабан.

Я с умилением остановился у обо, измерил вершину хребта и стал впиваться взглядом в темную, древесной растительностью одетую, святую гору Богдо-ула. «Здравствуй, моя красавица! — в душе произнес я. — Который уже раз я вижу тебя, люблюсь твоей таинственной молчаливостью, строгим видом, девственным одеянием. Ты все прежняя, оберегаемая монахами, ты все свято хранишь завет мудрейшего китайского императора¹⁸. Свободой самой независимой, непосягаемой пользуются твои лесные обитатели — звери и птицы!»

Так рассуждал я, подвигаясь вперед с перевала. Однако еще далеко до города Урги. Вот видна долина Толы, вот уже видна извилистая дорога вдаль на нашем предстоящем пути, огибающем Богдо-улу. Стали чаще попадаться обо, нарядные или парадные жилища-юрты, вот и масса собак, вот и людоеды свирепые, черные, с алчностью уничтожают приговоренный ламами к съеданию труп покойника¹⁹.

Траншееобразная дорога привела нас к монастырскому городу, из труб домишек которого поднимался дым и отгоняемый ветром стлался над долиной. Еще минута и мы среди шума и гама единственной базарной улицы, заполненной самой разнообразной пестрой компанией мужчин, женщин, лам, монголов, китайцев и прочих. Крики верблюдов, ржание коней, лай и свалка собак, громкие окрики туземцев — все сливается в непонятное, резкое, особенно поражающее пришельца с тихой дороги. Кое-где показались русские, с удивлением смотрящие на нас. Остался позади знакомый монастырь Гандан, где проживал Д[алай]-л[ама], остаются и русские колонии. Впереди, там и сям, китайцы на управлении, гарнизон, а там — доминирующе выглядящее русское консульство, где суждено нам провести последние дни, пользуясь удобствами цивилизованной обстановки. Однако, караван далеко поотстал. Тихо еду я, с Бадмажаповым и проводником, к белому дому с зеленой крышей.

Пребывание в Урге (с 9 по 24 января)

Неожиданно для меня в Урге, в консульстве, вместо особняка, напри[м]ер Домелунксена²⁰, приготовили помещение в трех различных местах, деля, таким образом меня, моих помощников, ниж[них] чинов и багаж. Консул был болен, не выходил. С первого момента я видел только хорунжего Войлошникова, старавшегося оказать услуги экспедиции. Подойдя к дому [Домелунксена], холодному, заколоченному, я, тем не менее, тотчас решил сносить в него все, что придет с караваном, и самим войти также в него и начать топку печей. Так и сделали. Все засушилось, забегало. Разбитые стекла вставились. Температура -17°C к вечеру поднялась сначала (к 9 часам) до $-6,5^{\circ}$, а к 12 часам ночи, к нашему спанью, до 0. Огонь трещал, или, вернее, дрова трещали, а огонь весело пылал. Тем временем кое-где вставлены были вторые рамы, и экспедиция на 3—4 день своего пребывания в Урге чувствовала себя совсем хорошо. Все вместе. Багаж нужный рядом, подле нас. Менее необходимый размещен был по кладовкам. С первого дня повешены были барометры, препараты приступили к изготовлению чучел тех птичек, которые были убиты дорогою и замерзшими тушками привезены сюда. Мы начали приводить в порядок журнальные записи. Писание писем, а в особенности получение вестей с родины доставляло участникам экспедиции большое удовольствие.

Урга растет и растет: ныне русских насчитывают здесь свыше пятисот семейств, по преимуществу торговцев. Здесь престиж наш, по-видимому, прежний. Хотя городские монголы, по словам наших соотечественников, ныне посмеются, что маленькие японцы поколотили больших русских. Китайцы выпустили кредитные бумажные деньги, которые имеют тот же успех, что и доллар, и русский рубль или русские кредитные билеты. В наибольшем ходу здесь последние.

В Урге я получил купленное мною еще в Питере серебро через посредство Русско-китайского банка. Правда, серебро дорогое, то есть по высокой цене и худшего достоинства, за исключением, конечно, гамбургского²¹.

С первого дня прихода сюда нас дожимали подводчики-монголы, прослышавшие о том, что мы нанимаем верблюдов под вьюки для дальнейшего пути. Неожиданно прибыл транспорт верблюжий из Алаша-ямыня с письмом Бадмажапова, предлагавшего воспользоваться обратными животными по сходной цене. Это обстоятельство помогло осуществлению моего запасного плана, [составленного еще] в Москве — облегчить движение и работы участников экспедиции отпращиванием лишнего груза к Дын-юань-ину. Я подрядил проводника на 20 верблюдов с платой за каждого по 10 лан серебра²². Для меня же с остальными спутниками также нашлись подводчики до Балдын-цзасаковских владений в области Монгольского Алтая, к знакомым горам Гурбан-сайхан. Но на этом пути и местные монголы уже заставили нас дать им плату несравненно более высокую — 7 лан.

Таким образом, вовремя узнав и наняв в Алша-ямыне [верблюдов], мы использовали ургинское время частью на приготовление алашаньского транспорта. Мое имущество, хранившееся в складе конторы торговой компании «Собенников и бр[атья] Молчановы», было образцово сохранено, получено мною и размещено по частям, а кое-что вновь оставлено. Часть направилась с Четыркиным, часть с нами. Я с удовольствием пересмотрел весь запас моей, тогда не осуществленной поездки в Монголию, когда по просьбе Д[алай]-[ламы] я принужден был скорее ехать обратно в Россию, с его поручением²³.

Общее снаряжение экскурсии было идеальное, всего было в строгом пропорциональном размере. Многие, в особенности подарки, посуда и охотничьи принадлежности целиком пошли на пополнение моих общих запасов Монголо-Сычуаньской экспедиции.

17 января. Ранним холодным утром мы проводили в путь Четыркина, Буянты Мадаева и двух алашанцев. С ними пошли все основные запасы экспедиции на 18 верблюдах, плюс два верблюда им даны под верх. Выполнит ли Четыркин мое поручение честно, благородно, аккуратно? Не знаю. Но если выполнит и порадует меня, мой приход в Алаша, еще и успешными наблюдениями и сборами, то я его не забуду — постараюсь вознаградить по окончании экспедиции.

Свое выступление я назначил было на 21 янв[аря], но монголы-подводчики восстали против моего намерения, потому именно, что это начало их Цагансара²⁴. Пришлось уступить и переменить выступление из Урги до 24 числа этого месяца. Тем не менее, с уходом Четыркина, с уходом лишнего транспорта, и мы стали думать больше о дороге. Южное солнышко бодрит днем. Несмотря на значительное падение температуры ночью (до -35°), стремления нашим нет пределов. Делаем дела окончательных сборов. Все налаживается, все прибирается.

Скоро будет счастливый день настоящего отправления в Монголию. Здесь же, сколько ни сиди, ни живи, видишь одно большое перерасходывание денег. Являются все непредвиденные расходы. Невольно поддаешься искушению купить одно, другое, третье. Впрочем, я приобрел с удовольствием несколько вещей в подарок моей дорогой женушке, томящейся теперь в одиночестве в Москве.

Жизнь наша текла в Урге однообразно. Мы большей частью сидели дома и занимались. Чаще других я посещал Я.П. Шишмарева, с которым tet-a-tet просиживали за самоварчиком и малиновым вареньем до 10–11 часов вечера. Это единственный незаменимый человек, стоящий на стороне наших русских интересов. С его вступлением, приездом в Ургу, монголы обрадовались, увидели светлое предзнаменование. Консульство зажило нормальной жизнью. Князя монгольские — постоянные посетители генерала Шишмарева. Его фактическую поддержку я увижу в дороге. Как знатоки Азии с этой, восточной стороны, как участники заседаний в Министерстве иностранных дел по Монголо-Тибетским вопросам мы с Я[ковом] П[орфирьевичем] имели много общего и с великим интересом общались часами. Речи, разговоры не умолкали. Становилось досадным, обидным при мысли, кто же здесь после старика Ш[ишмарева] будет руководить политикой, будет отстаивать отечественные интересы.

20 января. Сегодня воскресенье. Оживленное движение китайцев, монголов. Еще вчера вечером раздавались выстрелы, развешивались праздничные украшения. Сегодня выстрелы праздничные с утра — говорят особенная трескотня начнется вечером. Торговая жизнь замирает. Празднество идет огульное, вероятно, огульное и пьянство. Чувствуешь общий подъем, как и у нас перед большим праздником.

А.А. Чернов усердно занимается, усердно коллекционирует, определяет; он время от времени экскурсирует в окрестности нашей стоянки.

Погода стоит непостоянная. То светит солнце, то проносятся облака, мгла; то набегают ночные холодные ветры с севера, несущие за собой тонкий снег. В воздухе все еще холодно. Зима и предстоящая весна, ее солнце, борются между собой.

Праздничные толпы нарядных китайцев и монголов сидят перед окнами нами обитаемого домика. Смешны, забавны закутанные китайцы, человек по 4–6 тащатся в колымагах, запряженных ослами, мулами, реже лошадьми. Пронесятся красиво, гордо сидящие монголы в цветных халатах.словно пришиты к седлу эти степняки: так ровно сидят они верхом на лошадях, составляя с последней одно стройное целое.

Близится день и нашего выступления в дорогу.

23 января. Обедали у милого секретаря консульства Корнелия Васильевича Лучича, обязательного молодого человека. В этот же вечер мне посчастливилось «поймать» звездочку покрытием Луны, то есть определить географическую долготу, а заодно широту и время²⁵. Таким образом установить первый астрономический пункт в Урге.

Чем менее остается времени до выступления каравана, тем более накапливается дел к исполнению — дописываются отчеты, письма, укладываются коллекции к отправлению в Россию, идет прощание со знакомыми и прочее. Мне в Урге, между прочим, удалось увидеть первую вновь открытую школу. Возрожд-

дению своему она обязана маститому Я.П. Шишмареву, который смотрит на нее как отец на свое дите. Пока школа состоит исключительно из детей консульской прислуги. Отрядным включением сюда, между прочим, явилась девочка-бурятка, дочь консульского чиновника Цыренпилова — Пунцук, живая, бойкая, с темными, огоньком подернутыми, глазками. Мать Пунцук — монголка. Девочка эта единственная дочь у родителей. Школа эта (состоявшая из девочек и мальчиков и разделенная на две группы) была вверена симпатичной, любящей свое дело учительнице Марии Павловне Ткаченко. Ей помогала в занятиях ее сестра барышня Надежда. В угоду Я.П. Шишмареву мы (я и А.А. Чернов) посетили эту школу, и нашли постановку дела очень правильной. Дети выглядели бойко, смело, любознательно; видимо их учительница учит ласковыми наставлениями, а не угрозами.

До последних дней с Я.П. Шишмаревым виделись и часами беседовали о Монголии, о Тибете, об общих наших отношениях к этим странам, придумывали планы нашего правительства. Сравнивали двух великих личностей Д[алай]-л[аму] и Богдо-гегена. Последний в большом фаворе у Богдо-хана, при дворе, так как держится исключительно Китая, не заигрывая ни с кем из европейских, власть имущих дипломатов. В Пекине по положению стоит высоко и ему обязаны воздавать высшие почести. Этикет с ним выше, нежели таковой, воздаваемый Далай-ламе, несмотря на то, что тибетский властитель есть первое лицо в Тибете и [в] звании, и в представлении, как духовном, так и светском.

Канун выступления, наибольшие сборы. Вечерние изображения Луны, Юпитера и звезд дивные, великолепные. На моей обсерватории, на площадке (полуденной) дома Дом[елунксе]на перебивали многие из консульских обитателей, восхищаясь величием и стройностью небесных миров. Наибольший интерес ко всему звездному небу, неизменно проявляла учительница М.П. Т[качен]ко, которая, между прочим, оказалась и наиболее восприимчивой, и наиболее любознательной, и наиболее отзывчивой к принесению фактической пользы: она обязалась вести сборы жуков, мух и бабочек, чтобы затем доставить сборы П.П. С[еменову]-Т[ян]-Ш[анскому] и в Академию наук. Ввиду всего этого она снабжена мною двумя ящичками, сачком и скалянкой с цианист[ым] кали[ем].

Почтмейстер П.Дм. Ткаченко был на пути к отъезду (15 февраля) в Калгане, с детьми; его дочь Мария высказывала предложение собирать насекомых и на пути в Калган, и в окрестностях последнего.

Новый заместитель почт [почтовый начальник] — Василий Петрович Бурдуковский, симпатичный, обязательный, обещал доставлять нам через посредство консульства и монгольской администрации две почты, долженствовавшей прийти вслед за нами из России. Я лично ничего не жду, зная, что мои родные и знакомые уже отправляют письма через Пекин.

25 января для нас может считаться своего рода, знаменательным днем — мы окончательно распрощались с цивилизацией, с родной речью, с родною обстановкой. Мы покидали свое русское; выступали и получали все монгольское. Нас проводить собрались все, нас фотографировали. Подле меня устроились дети — учащиеся в школе с их наставницей. Дети желали меня проводить. Я полюбил детей, они меня также.

Я подрядил богатых монголов доставить меня со спутниками, с караваном, словом, экспедицию, во владения Балдын-цзасака, в систему Монгольского Алтая — Гурбун-сайхан за 7 лан серебра за животное — верблюда или лошадь. Юрту мы везли за соб[ственный] счет.

Зима, морозно, ветрено. По скату Богдо-улы ползут и стелятся слоистые облака. Богдо-ула, это своего рода холодильник, резервуар со снегом! Мы выступили. Большой свящ[енник] о[тец] Милий Чефранов через окно благословлял и караван, и нас. Он хотел отслужить молебен по выздоровлению, записав для этой цели имена всех нас.

18 вьюков и 12 всадников — 30 платных NN [номеров] за 210 лан (полпуда) серебра. Мы быстро пробежали вперед. Товарищи заехали к Н.О. Грязнухину кое-что купить и напомнить о снимке собаки на трупе монгола. Я же заехал к Галсанову, переговорить с последним по поводу телеграммы Доржиева и о поездке Д[алай]-л[амы] в Утай, а Доржиева в Забайкалье, а потом тоже в Утай. Распровавшись с ним (и с Далмой) я с Бадмажаповым поскакал вслед медленно подвигавшегося каравана. Курень остался, остался и знаменитый Гандан, в котором так недавно проживал Д[алай]-л[ама], и в котором мне суждено было познакомиться с тринадцатым Великим Перерожденцем, с 13 Далай-ламой.

В долине Толы я обогнал караван и поднялся на отпрыски западного продолжения Богдо-улы, любовался девственными ущельями, богатыми лесной растительностью, этой святой горы. Ветер производил стужу. Встречных попадалось мало — праздничное время. Общий характер местности пересяченный: горы, горы и горы. Долина, глубокая долина Толы была исключением, и она скоро закрылась от нас хребтом Гонгын-дабаном, протянувшимся валом вдоль левого берега этой данницы Орхона и Селенги. С востока шли горы второстепенные; между горами первыми и вторыми вклинивались бóльших или меньших размеров долинки, а затем настоящая большая, отрадная долина, носящая название Шархай-хундэ. Предательская долина ужасно скрадывала расстояние. Мы ею шли почти целый день. Она желтела прекрасной растительностью, по которой впервые в настоящее путешествие увидели цаган-цзере или белых антилоп (*Antilope gutturosa*). Звери паслись, чутко сторожа покой. В то время, когда я был в раздумье, как подойти поближе к первым зверям, неожиданно, со стороны, мое внимание привлек бол[ьшой] хорек, мешковато бежавший по направлению к дороге. Хорек [сам заметил] или хорька заметил пролетающий вблизи ворон и налетел на него, но ловкий хищник окрысился, зашикал, изогнулся дугой, и ворон, сделав круг, пролетел дальше. Я, догнав зверька, выстрелом дробы убил его. Мех зверя пушистый, отличный. В этой же долине особенно много держалось зимующих сарычей (*Buteo*), а также соколов (*Falco* типа *hendersoni* и *babylonicus* и *F[alco] tin[nunculus]*). Этих крылатых хищников привлекали многочисленные грызуны: пищухи, песчанки, изредка даже изящный хомячок. Один этот зверек был пойман, другой найден замерзшим. Очень замечательно-оригинальное явление, крайняя стужа монгольская кладет свою печать: я видел трупы замерзших верблюдов, лошадей, яманов. Жирная бойкая лошадка, сильно разогретая всадником, оставленная, конечно, на ветру и кр[айнем]

холоде без покрывала, ознобилась и пала. Суровый мороз сковал ее, и она лежит трупом, приставленная к жилищу боком.

Продолжаю описание долины. Она густо заселена монголами, ютившимися со своими многочисленными стадами, состоящими из верблюдов, лошадей, рогатого скота и баранов. У прекрасно-уютно расположенных юрт кочевников, там и сям, среди скота, ходят монголки с корзинами за спиной, ловко бросая аргал.

На своем дальнейшем пути мы только и видим широко расстилавшиеся долины, их замыкающие горы и по долинам стада скота, а по скатам гор — население. Мы идем по владениям богдо-гегена; его пятитысячные (количеством) косяки или табуны лошадей пасутся вблизи дороги. Богдо-геген имеет до 50 тысяч коней, до 11 т[ысяч] верблюдов и до тысячи баранов.

Здесь с каждым днем становится меньше снега; от этого местность, по моему мнению, улучшается. На душе отрадно. Днем, на солнце, очень тепло, ясно; при дивной прозрачности воздуха даль открывается замечательная, но как скрадывается в прозрачной дали расстояние! Ночи холодные, ужасные.

Стоит вспомнить и прошлые ночи, и настоящие. Зовет Луна, зовут прочие планеты, зовут звезды. Мы дрожим от стужи, раздеваясь и одеваясь. Ночь ясна, заманчива, но стужа ужасная. Быстро выскакиваешь за нуждой и быстро бежишь под одеяло, долго корчишься, пока не согреешься. Я просыпался с сосульками на усах. Что бы подумала и почувствовала, увидев меня такого, моя миленькая маленькая женка. Прочтем, даст Бог, эти строки вместе.

Вспомним и перевал Гонгын-дабан, показавший нам в последний раз нашу святую гору Богдо-улу, темную от вуали древесной растительности. На этой высокой плоской кровле, словно в океане, несутся слоистые облачко за облачком. Передайте наш привет не только Урге, но и нашим дорогим, болеющим за нас душою и страдающим по нас сердцем!

Встречные монголы сообщали нам вести о благополучном прохождении нашего каравана, порученного Четыркину и Мадаеву. Из встречных особенно интересным был монгол — ургинский лама, ехавший из У[лясу]тайя, говоривший, между прочим, о том, что там ждут верховного представ[ителя] Тибета — Далай-ламу.

Пройдя около сотни верст, мы обыкновенно устраиваем дневку; так было и теперь. Когда мы, свернув с дороги чуть к западу, у богатого монгола остановились на дневку — у урочища Дундугур. Здесь наладили своих животных — и лошадей, и верблюдов; купили и баранов. Какие чудные виды — фотографии, фотографии бивуака. Охота за дзеренами Чернова и гренадер. А.А. Чернов excursionировал с геолог[ическими] целями, и стрелял, но неудачно, не поставил прицела! Демиденко вернулся с Buteo(?). Новички не умеют взять подстреленного хищника — он им своими острыми лапами причинил поранения рук.

Сосед наш, монгол Церен Доржиев, оказался порядочным и хлебосольным человеком. Мало этого, он сделал мне приятную уступку, изменив мой маршрут с восточного на значительно [более] западное направление, с круговым заходом на озеро Тухум-нор. Таким образом, совершенно неожиданно, мы стали готовиться идти не к юго-юго-востоку, а к юго-юго-западу. Церен Доржиев за свой приветливый нрав был одарен подарками.

30–31 января. Последними днями первого месяца экспедиция пересекла окончательно долину Шархай-хундуй, оставив гору Хайрхан* к востоку, мимо гор, с одной стороны Сонин-хангай, с другой Орцик и Онгон-монгол (из розовых гранитов) и соседний Тангыт-тот. Перевал Улын-дабанг (около 4½ т[ысяч] ф[утов] а[бсолютной] в[ысоты]) открыл нам вид на замкнутую котловинную обширную долину соленого озера Тухум-нор. Бассейн Толы мы, таким образом, оставили на целых два года.

После долины местность заволновалась второстепенными складками: мягкими, луговыми, среди поднятий которых вклинивались долинки, выходящие в общую оставленную нами долину. Корм всюду был порядочный; питьем служит далеко к югу залегающий снежный покров, номады ютятся, по-прежнему, в укромных местах. Скот, скот и скот везде по долинам и скатам гор; табуны лошадей, многочисленные стада баранов везде, куда бы ни взглянул пытливый глаз наблюдательного путешественника. В горах, граничащих бассейны внутренний и внешний, преобладают отдельности и массовые выходы гранитов-матрасов, местами (по крутизнам) сильно обдутым, выветрелым скатом (у подножий).

В долине мы видели много дзеренов, но они очень осторожны. Двигаясь к югу, около 11 часов (может быть и 10), пришлось полюбоваться немного оригинальным явлением пустыни — миражом, который строил из южных гор фантастических, причудливых очертаний гигантские стены, здания.

У скалы сарычей царственный хищник — орел был прогнан обществом коренных обитателей (В[uteo] I[eucoorhous]); прогнанный, он с прежней гордостью улетел восвояси.

В последний день января мы наблюдали впервые большие и малые стада бульдуруков. Они, как и жаворонки, 3-х видов, собрались огромными стадами на части долин, случайно обнаженных, лишенных снега. От массы птичек, взлетевших вверх, от их полета и криков стоял шум: такими тысячными табунами держались пичужки — *Otocorys*, *Melanocorypha*, *Alaudula*. С шумом бури срывались на взлет *Syrh[artes paradoxus]*. Чтобы не повторяться о птицах, дополню следующее: в бас[сейне] Тухум-нора встречены (на трупке) грифы-монахи, на самом озере Витео мохноногий (заменивший собою белоголовок) и, что особенно интересно, белую полярную сову, сидевшую на солончаках Тухум-нора, таких же белых, как и сама птица. Орлы-беркуты стали встречаться изрядно. Как интересно нападение на мал[еньких] зайцев, когда они спасаются от преследований царственных хищников только лишь бесподобными по высоте прыжками.

В долине озера Тухум-нор по вечерам раздавались волчьи концерты: то лайвой одинцов, то ласковый, на всевозможные грубые и тонкие голоса.

Кочевники, по-видимому, относятся к нам порядочно, но страшно дорожатся баранами, нашим неизменным повседневным продовольствием. В прежние времена мы платили за баранов 1–1½ лана, 2–3 рубля, ныне приходится платить 5–6 руб., возвращая хозяину шкуры и внутренности. Монголы избало-

* Проводник сообщил, что на плоской вершине Хайрхана имеется место с источником, на котором некогда жил один из предков Тушету-хана, и что будто бы до сих пор имеются следы его пребывания (помет скота — черная земля). Люди боятся сильных ветров, бушующих там на просторе.

ваны были повышением цен войною, когда они порядком-то понажились. Теперь, говорят они, времена плохи, войны нет, чай везет орус-тамыр-цзам или иначе русская железная дорога. Вот современный взгляд номадов Сев[ерной] Монголии на политику.

1–3 февраля. Первым днем мы стояли у перевала, затем направились западно-юго-западным курсом прямо к озеру. Обманчивость расстояний в Азии в последнее время сильно обманывает даже нас, привычных к такому явлению: все мы невольно убавляем расстояние до цели. Издали все кажется ровным, шероховатости сглаживаются. Вблизи — другое дело. Кажется, чем больше приближаешься к извест[ным] объектам: горе, озеру, арыку, тем он дальше отстоит. Утомительна подобная дорога. Снег еще больше ослепляет и придает удрученности. Мираж — «злой дух пустыни», словно смеется.

Наконец и озеро Тухум-нор, покоящее остатки свои в солончаковой котловине, наиболее приближенной к северным горам, нежели к южным высотам.

На северном берегу расположен (к северо-востоку от бассейна) монастырь Тухумын-догын с довольно новыми чистыми постройками, над которыми доминируют три в ряд храма: восточный — старинный, западный — новейший — это второстепенные; средний — главный, с храмом для лам — служителей и престолом для настоятеля — гегена. В главном храме, второй придел: там Ганчжур и бурханы; над ним второй этаж: субурганы с Ногон-дархэ. Постройки украшены на вершине золочеными ганчжирами. Здесь был даже богдо-геген. Выстроил монастырь Домын-хубилган, который является и настоятелем [монастыря]. Во время летних служб здесь собирается до 300 лам; еще больше молящихся монголов, живущих окрест.

Ныне здесь живет до семи человек ламишек, которые от скуки, словно дети малые, резвились. Показав нам храмы, они стали просить у нас русской водки. Вокруг догына числилось до десятка юрт, с бедными, грязными шибганцзами, собиравшими для паразитов-лам топливо в виде кустов (Сагагана) или аргала.

Мы расположились бивуаком у самого догына; вечером мне удалось произвести астрономическое наблюдение для получения географической широты и времени. Падали тонкие кристаллы изящных снежинок; Луна была опоясана радужн[ым] кольцом.

Наутро следующего дня (**2 февраля**) мы с А.А. Черновым направились на середину озера. Полное разочарование — воды и льда нет, соль. Общая ось тянется в восточно-северо-восточном — западно-юго-западном направлении около 6 верст, при наибольшей ширине в 4 версты. Берега низменные, изредка чуть-чуть возвышенные. Помимо зимы к озеру трудно добраться. Зато какое приволье пернатым пролетным или гнездящимся (конечно, плавающим и голенастым). На южном берегу паслось множество скота и располагалось много монгольских юрт. Преобладающей растительностью были: Сагагана, солянки, дэрэсун. Почва вязкая, но подалее плотный ровный слой, на котором росли низкие травы, теперь неразличимые.

Оставив догын и озеро, мы поехали вслед ушедшего далеко каравана. Я намеревался дневать, но мои подводчики оказались упрямыми, жалея лошадей. Долго мы шли вдоль и поперек долины, наконец, втянулись в холмы, вытянувшиеся правильным рукавом, а затем и следующим, носящим название котэлей

или (цайд[амские] монг[олы]) хутулей. У второго такого перевала — котэля возвышается доминирующий Хайрхан, увенчанный большим обо (и много мал[еньких] — 10). Я поднялся на эту интересную вершину (на главном обо сидел царственный хищник — беркут-орел), которая расширила мой географически-местный горизонт. Общая волнистая местность выделяет возвышения: на юго-восток — Б[?]-г[урбан]-чулу, на восток-северо-восток — Ихэ-г[урбан]-ч[улу], на северо-восток — Атацик, и еще севернее — наших знакомцев: Сонин-хангай, Орцик, Онгон-монгол, Тангыт-тот и другие (западный Ондур-баин-хара; северо-западный Цаган-ондур-хада). Вся долина словно на ладони. Вода у северных гор. Действительно, какой широкий горизонт!

Стоим у Ихэ-булык.

Ночные морозы продолжают изнурять нас. Утром холодно, но чуть покажется солнце, тепло, хорошо, даже жарко. Сегодня, 3 февраля, в 1 час в тени $-8,5^{\circ}\text{C}$. Мы на солнце чувствуем по-весеннему, ходим легко. На солнышке жаворонки ликуют: парят, поднимаются ввысь, и слышится первый намек на песнь любви.

4–7 февраля. Три дня идем в юго-западном направлении. Характер местности в общем — остается прежний, в частности — наблюдаются отличия. Те же гривы, те же бесчисленные, простые и сложные по очертаниям высоты; те же вглубленные между ними озерки или котловинки с колодцами. Подле последних ютится монгольское население с их спутником, скотом: баранами, верблюдами, лошадьми и так называемым рогатым скотом. Животная и растительная жизнь прежняя. Даже монголы и те, ввиду запутанности местности, имеют частые обо на возвышенностях, по которым и ориентируются как в хорошую, так, еще более, в худую, мрачную, погоду.

Далеко-далеко в юго-юго-восточном направлении, среди тех же плоских волнистых высот выступают или поднимаются темные силуэты Дэлгэр-хангая и его юго-западных соседей. Значительно на приближенном расстоянии с запада или востока выступают горы или горки, как например Терем-тара-мыцык или Боксу и другие. Между горами и высотами выклиниваются иногда обширные долины, как долина Эргенген-гоби. По таким местам создается впечатление настоящей пустыни Гоби: здесь нет ни пицух, ни их спутников — крылатых хищников; идешь положительно среди полного одиночества, среди безмолвия — томительной тишины. С напряжением всматриваешься вдаль, в долины или их окаймляющие гривки: не покажется ли человек или его скотина — «маль».

В монгольской равнине имеется неотъемлемое благо для путешественника — это прямолинейное движение каравана. Если не считать некоторых отмеченных гор, то положительно можно следовать в любом намеченном направлении, рисуя маршрут в виде чуть ли не строго прямой линии.

Жизнь наша течет однообразно: встаем с ранней утренней зарей, наскоро пьем чай или завтракаем и направляемся в путь, до двух или трех часов дня. В это время располагаемся бивуаком по возможности скорее. А.А. Чернов — неутомимый, сердечный работник, вечно верен себе, своей задаче. Как непохож на него мой второй спутник-сотрудник — топограф Напалков. Первый и второй — небо и земля.

Пьем, едим, затем быстро принимаемся за работу. Всех труднее достается опять-таки энергичному геологу. А там и солнышко садится за горизонт,

дневная деятельность заканчивается. Вечер проходит быстро, незаметно: завод и сверка хронометров приноровлены к вечернему чаепитию, когда наполняешь гор[ячим] чаем и хронометренные грелки²⁶; вслед за сим отмечается 9-часовое наблюдение и затем весь бивуак, за исключением дежурного, спит. Утром опять то же самое.

Дневка в экспедиции — праздник: с одной стороны, отдыхаешь от нудного похода, с другой — весь день проводим в массе дел: писаниях, приведениях в порядок коллекций, в организации охотничьих экскурсий. С каждым днем становится отраднее на душе — приближаемся к глубине Азии. Солнце поднимается выше, день больше; тепло борется с холодом. Днем, на солнце, замечательно приятно, даже не верится, что страшные холода монгольские оканчиваются, они уступают идущему на весну теплу.

5 февраля. Я утром наблюдал оригинальное явление: с одной стороны восходило солнце, с другой опускалась Луна. Оба диска в [один] момент лежали на гребнях высот. Одно светило приветствовало другое, или одно другое сменяло. Дивная прозрачность воздуха дает возможность видеть и наблюдать далеко: предметы чудно видимы на горизонте. Снег здесь энергично испаряется в воздухе, а не тает, как у нас.

6 февраля. Сегодня идет снег; температура невысока, но чувствуется скверно, а к вечеру совсем холодно.

На пути начали попадаться камни с загаром²⁷, камни выветрившиеся. Невольно берешь их в руки; невольно ими любишься. Я несколько образцов, характеризующих влияние солнца, ветра и других атмосферных агентов, взял и думаю брать таковые в будущем, специально для моего сына Володи.

Снег помог осуществлению дневки; хороший корм также. Снег, выпавший и не стаявший, понизил температуру. Покупаем баранов по высокой цене; ходили за дзеренами — напрасно. Монголы, продавцы баранов, выжиги — приносят свои плутовские весы и требуют уплаты стоимости баранов по их показаниям. Так и вспоминаешь, невольно, Николая Михайловича Пржевальского, его ныне покойного неизменного спутника Дидоша²⁸, который обычно говаривал: «На серебро маненько сомневаются, [надеются] на весы».

Мы все одинаково стремились к югу, к теплу, к природе, к новизне. Нас манят горы — звенья Монгольского Алтая, нас манит таинственный, засыпанный песками город — Хара-Хото. Нас, затем, манит или Эцзин-гол и весенний пролет птиц, или прямо — обширная южная Монголия, Алашань, ее пески, недра песков, чтобы в конце концов достигнуть Дын-юань-ина. Там склад, там полкаравана с Четыркиным во главе. С Дын-юань-инем [связана дума о] родине, которая присылает нам туда весточки.

8–11 февраля. Дни за днями бегут непрерывной чередой, быстро. Тянет время исключительно на переходе; исполнить переход — словно отбудешь службу, остальное проходит очень скоро.

Наутро, **8 февраля** разразился буран, впрочем, временно стихший, открывший горизонт до десяти верст по радиусам. Мы выступили в 9 час. 40 мин. утра, чтобы не потерять даром времени. Проводник отличный, курс южный, местность волнистая (увалистая). Больше всего мешал выпавший накануне снег — замаскировал все. Однако часто расставленные обо дали возможность нашему

ламе Дорже вести нас отлично, если не считать маленького уклонения к закату, миновав бол[ьшую] дор[огу] у станции Тугурюк, по направлению к монастырю Тугурюгин-догын.

Последний очень приличного вида, более богатого, нежели Тухумын-догын, также состоящий из трех частей. За незначительную мзду (после посещения) ламы предупредительно показали нам их сокровищницу — храмы. И здесь главное божество Бурхан-бакши (тибет[ский] — Шакчжэ-тубу). И здесь в настоящее время слушателей буд[дийской] церкви мало, собираются лишь летом.

Этот монастырь устроен с разрешения китайского правительства на добровольные приношения хорчинцев²⁹ — то есть монголов, обслуживающих большую куку-хотоскую или калганскую дорогу. Настоятелем монастыря является лама-монгол. Подле местных монастырей имеются батовидные возвышения, служащие для обжигания кирпича при постройке китайцами монастыря.

Пройдя затем несколько верст, экспедиция сумерками приютилась на ночевку. Ветер крепчал и к ночи успел перейти в настоящую бурю, несшую тонкую сыпучую пыль и пыль в прямом смысле. Только под утро буря стихла, температура еще понизилась.

Курс нашего движения прежний: южнее, с небольшим уклонением к западу. На пути залегают то глубокие, с соленым налетом, котловины (а в них и колодцы), то замыкающие их бóльшие или меньшие по высоте гряды или холмы. В котловинах часто желтеет пышная растительность, по скатам гряд и по вершинам — низкорослый кустарник *Caragana*. Жители тут и там, их стада пасутся вразброд и еще издали, темными точками обозначают присутствие человека.

Приближаясь к долине речки Онгиин-гол, открываются окрестные горы во всей красе и полноте: Дэлгэр-хангай, Ахыр и другие, меньших размеров. Долина обширна, движение утомительное. Вблизи Онгиин-гола мы встретили, впервые в это путешествие, саксаульную сойку (*Pod[oces] hendersoni*), сначала одну парочку, а затем, в долине самого Онгиин-гола, в особенности пониже на нашем пути много таковых, державшихся в близком соседстве, по хармыку, одевающему вершины песчаных холмов или солончаковые площади среди дэрэсуна. Тут же появились чилийские жаворонки, во множестве бульдуруки, ранним утром мелькающие в том или другом направлении. Вблизи горизонта, нередко, черный ворон, еще реже темный сарыч *Buteo*. Из млекоп[итающих] — дзерены, зайцы и более мелкие грызуны.

Поднялись на темный каменистый кряж Баин-гэче, где открылась глубочайшая долина, далеко убегавшая в полуденном направлении. Впереди и справа выделялись горы невысокие, красновато-желтые, пустынные, среди которых выделялся впереди Ахыр, а позади нас, в северо-восточном направлении, Дэлгэр-хангай (см. Монголия и Кам, т. II)³⁰. Более слабо выделялась долина Онгиин-гола, которая извивалась темной змеей среди разрыва гор и высот. На долине, в свою очередь, еще более темным [пятном] главный Онгиин-гольский монастырь — Хошун-убугун-хит или, как его здесь еще называют, Онгиин-догын. Далеко-далеко, на юге рисовался силуэт второстепенных гор, составляющих северную окраину общей системы Монгольского Алтая. В этом, южном и восточном направлении выделялась широчайшая долина, по которой проходил затем наш путь. Караван тащился по-черепашьи, и я с Бадмажаповым,

в его ожидании, заехал в айль, состоявший из 2–3 монгольских юрт. Монголы, как и всегда, нас приняли гостеприимно, радушно и продали нам двух баранов, за порядочную цену, несмотря на [условие] возврата шкур и внутренностей, но с доставкой баранов живьем на нашу стоянку. Надо заметить вообще, что цены на баранов во время войны страшно поднялись и этим набаловали монголов; теперь, видя появление русского или европейца вообще, они также запрашивают прежние высокие цены; в конце концов, уступают, но сравнительно очень немного. Словом, прежняя цена 1–1½ лана за барана ныне не существует и в поmine, говорят лишь 4–5 лан и не меньше.

Случалось и так (в горах Уньюгэтэ), что зашедший монгол на вопрос: «Нет ли продажных баранов?» отвечал отрицательно, но тут же, заметив лежавший русский пояс, замечал: «А вот если вы мне уступите такой пояс, то я доставлю вам барана и прочее!» Подобный пример одного монгола вызывает подражание в другом.

Вступив в долину, мы поехали быстрее. К востоку залегала котловина, блестящая белым ледяным покровом, окаймленным желтоватой растительностью, может быть отчасти и камышом. Оставляя горы, мы выдвигались на долину. Монастырь приближался; характер долины Онгиин-гол стал резче выделяться. Еще час, и мы были в монастыре, на северо-западной его окраине, как раз на береговой старой террасе, на окраине которой и устроен монастырь.

Ко времени прихода каравана в монастырь набралась масса зрителей, главным образом лам — свободных паразитов, между ламами виднелись миряне: мужчины, женщины и даже девушки; вероятно, в монастырь проникают не только желающие помолиться (женщ[ины] или девуш[ки]), но и весело провести с монашествующей молодежью время. После пустыни — свободы и простора, назойливость лам была крайне тяжела. Убеждение казаков стоять [лагерем] в отдалении не помогало. Ламы заглядывали и в наше, и в наших людей жилища; прогонишь двух-трех одних, на смену явятся вдвое больше. Вдруг, неожиданно слышим общее смятение и топот массы ног, уносивших назойливых посетителей. Это было появление настоятеля монастыря — да-ламы, недавно временно вступившего на этот ответственный пост. Общее смятение лам произошло на грозный окрик да-ламы: «Ламы по местам! Это не китайский торговый караван!» Исчезли все; ламы, как мыши, попрятались, и только наиболее любопытные показывали свои бритые головы.

Подобный порядок со стороны настоятеля мне очень понравился, и я пригласил его зайти к нам. Высокий, средних лет монгол-лама был крайне осмотрителен, боязлив; он извинился за назойливость его послушников, просил нас с ними не церемониться, а просто гнать. Зайдя на несколько минут, да-лама обещал затем посидеть у нас как следует. Однако в первый вечер не явился. Я воспользовался свободным временем и ясным состоянием неба и произвел определ[ение] географической ф³¹.

Наутро **11 февраля**, в день дневки мы пошли прогуляться среди многочисленных монастырских построек. Нас удивляла, с одной стороны, крайняя неряшливость служителей монастыря, оставлявших следы отдания дани природы на каждом шагу (этими красными ламами)³². С другой же, приятной для глаза, было удовольствие во внешнем убранстве монастыря. Три храма стояли в близком

соседстве друг друга. Ганчжуры, венчающие кровли, ярко блестели золотом. Северная окраина монастыря имела много субурганов. Один же субурган, самый большой, с большим изображением Будды внутри, красовался подле храмов. Перед южным парадным фасадом монастыря стояла башня вычурной, затейливой китайской архитектуры. Одно из помещений монастыря, где собирались все двести лам на молитву ежедневно в утренние и вечерние часы, было оживлено. Часами ламы молятся, не вставая с места, затем выходят, отдаляются шагов на 150 и среди открытой площади усаживаются орлами, скрывая отвратительное безобразие своими широкими одеждами. Затем идут продолжать молитву.

При осмотре главной части храмов мы вынесли впечатление, что внешность монастыря вообще значительно богаче внутреннего материального и качественного содержания. Ламы смеялись, глядя на наши одежды, на наши физиономии. Мальчишки-ученики шалили друг с другом, а то и просто дрались. Шутками, но другого рода, занимались и взрослые ламы. Всякой подачкой были довольны и все тотчас подбегали осведомиться — сколько?

К нам приходили и такие ламы, которые собирали якобы на бедных. Такие ханжи, придя, стояли со смиренным видом, быстро вынимали хадаки и с подобострастием, кланяясь, вытянутыми руками давали платы счастья. Первых мы дарили, дальнейших без особой чести удаляли.

Лучшее и более приятное впечатление производила на нас престарелая (около 60 лет), убогая монахиня, прозябавшая в своем бедном войлочном шатре, стоявшем вблизи нашего лагеря, на песчано-бугристой поверхности, поросшей дэрэсуном. Старушку одинокую оберегала такая же несчастная худая собачонка; обе — жалкие создания. Около полдня, когда достаточно пригреет солнце, эта низшая ступень человечества выползала из своей норы, усаживалась рядом с дверью и принималась за шитье или починку мешка, который служил старушке для сбора сухих стеблей дэрэсуна на топливо. Чтобы иметь возможность попасть к себе домой, совершенно слепая старуха имела в руках своих веревку, распускаемую до конца и вновь затем собираемую при возвращении в жилище.

Меня, подошедшего фотографировать старуху у шалаша, последняя услышала и говорит: «Кто здесь, здравствуйте!». Я ответил старухе (удивленной), которая затем еще спросила, хорошо ли я путешествую? Через полчаса старушке отнесли в дар чаю, дзамбы, кто-то дал и монету; она уже знала, что в ее близком соседстве остановился русский караван. Убогая старушка невольно заставила меня вспомнить Россию, а с нею и признание подобных женщин.

Отмеченный монастырь, в период летних хуралов, имеет до 500 лам, съезжающих и собирающихся вместе отовсюду — из домов, из других монастырей, куда иногда отпускают или затем, чтобы помолиться, или затем, чтобы навестить родственников лам в иных монастырях.

Во время нашего пребывания здесь молитвы в храмах устраивались ежедневно по несколько раз.

Как известно, во всякой почти семье монгольской имеются дети, которые или уже ламы, или только предназначены в них. Таких детей, по одному на семью, родители отводят сами (7–8–10-летнего возраста), или же отдают знакомым ламам, поручая это сделать им. У таких, своего рода наставников и гувернеров, дети учатся уму-разуму, науке, заучивая в зубрежку псалмы из их священного писания.

Ламы-наставники смотрят за детьми, обучают и в свое время приводят как бы на экзамен. Дети, отвечающие удовлетворительно на вопросы лам-экзаменаторов, получают право вступать в отправление монаст[ырской] службе наряду с прочими, зачисляются в списки и штат. Теперь, хотя они и продолжают жить у своих прежних наставников, но уже обязаны подчиняться не только требованиям наставника, но и, главным образом, требованиям своего монастырского начальства. Состоятельные родители снабжают сына-ламу хорошей юртой, прислугой, жизненными продуктами, одевают прилично и прочее. Люди бедные часто ничем не удовлетворяются, и ламы, предоставленные собственным заботам и нуждам, нередко побираются, где придется, лишь бы убить время да быть сытым. Бывает, конечно, и так, что бедный человек-лама с лучшими способностями, по-своему талантливый, проторяет себе путь к известности и положению.

Первые сведения об этом монастыре смотри в «Монголии и Каме»³³. Прежде, до позднейших дунганских восстаний³⁴, монастырь красовался несколько (в 3 верстах) ниже, по реке, на противоположном, нежели теперь, правом берегу, словом, там, где ныне покоятся одни лишь развалины, в которые его превратили прежде времени все те же всеокрушающие грозные дунгане. Судя по развалинам, монастырские постройки делились на три группы. Уничтожено все, за исключением двух субурганов, стоящих на северной окраине.

Теперь по развалинам ютилась парочка сычей.

Выше, по берегу (тому и другому) в 8 верстах имеются еще два малых монастыря, расположенных почти напротив друг друга.

Китайцы-торговцы из Урги проживают в 5–7 юртах, приспособленных по-китайски и для жизни, и для торговли. Китайцы у юрт имеют двери со стеклами; в одной юрте живут, в другой держат товары. Нам китайцы продавали сакс[ауловые] дрова (с низовьев Онгиин-гола) по очень высокой цене. Они имеют предметы не только первой необходимости, но и соблазняющие местных модниц. В обмен на свои товары китайцы получают сырье, периодически отправляемое на север, в Да-куре³⁵. По Монголии на своем пути мы часто встречали торговцев-китайцев, которые, как пауки, расставили сети для высасывания состояний у номадов, хотя добродушные простаки-монголы находят в китайцах необходимость. Мы видели китайцев и в области гор Гурбун-сайхан при монастыре и при дор[оге] Кошун-кобэр.

Теперь о речке и долине Онгиин-гол*. Последняя зарождается в местных горах Хангай, в местности, богатой ключами. Эта речка начальные две трети, как говорят монголы, течет в юго-восточном направлении и только последнюю,

* Во время пребывания экспедиции в Онгиин-догыне вечером ко мне заглянул один бывалый лама, который, между прочим, спросил меня: «Правда ли, как мне говорили знакомые китайцы, Россия заплатила Японии контрибуцию?». Я ответил надлежащим образом, на что лама добавил: «На какие же деньги теперь японцы будут управляться, ведь они все израсходовали на войну! Российский же Император — Цаган-хан — и его страна богата и деньгами и дор[огим] имуществом. Наши старин[ные] предания гласят, что монголы-де бедноваты, а русские богаты, потому, что многие бол[ьшие] реки (как Тола, например) берут начало в Монголии, а текут в страну Цаган-хана, сплавления наше богатство». Приз[ывный] звук раковины на молитву прервал мою беседу со словоохотливым ламой.

нижнюю, почти строго в полуденном, если не считать низовье, на протяжении 20-ти с лишком верст, западного направления. В наше ранневесеннее время пребывания с места вступления на Онгиин-гол, равно ниже, на всем протяж[ении] и выше, на очень значительном, воды не было совершенно. По берегам, руслам имелись колодцы или ключи, первые до сажени глубиною, вторые разливавшиеся на значительном протяжении, покрытые льдом. Ширина долины до 1—1½—2 верст, обставленной, в большинстве случаев, высокими, футов до 70 обрывами. Каменисто-галечное русло извивается то посередине долины, то прижимается к тому или другому боку долины. Кам[енистое] русло 30—50 саж[еней] ширины, с невысокими бугристыми берегами, в период дождей несет много воды, затрудн[яющей] переправу.

Растительность Онгиин-гола: изредка тальник, часто по буграм, хармык, множество колючих полукустарников, во многих местах также пестреет золотистый дэрэсун и многие другие. Из животной жизни: цзере, лисицы, волки, зайцы; из пернатого царства — черный ворон, сарычи, сычи, сокол-пустельга, сок[олы] большие, изредка орлы; главным же образом, сойка, рогат[ые] жаворонки, вьюрки и немногие другие, Syrrhapt[es] par[adoxus].

Прибрежные речки в соседстве гор с хорошей растительн[остью], в соседстве равнины — пустынные, бедные.

По Онгиин-голу извивается большая дорога, то по правому, то по левому берегу. В последнем случае, постепенно удаляясь от долины реки и приближаясь, через котловину с красн[ыми] глинами (общую с Улан-нором), к северным, выдающимся горам, составляющим в сумме (совокупности) систему Монгольского Алтая — дорога Урга — Да-куре.

Весна надвигается, снега меньше и меньше. По дороге жаворонки, самцы, ретиво соперничают друг с другом за правообладание самочками; часто чернобровые красавцы, то сцепившись коготками, поднимаются вверх, то далеко преследуют друг друга на лету; даже усевшись за бугорком, словно петушки, стоя на месте, переступают с ноги на ноги, нападая друг на друга. Самочки, немые свидетельницы турниров своих кавалеров, смиренно и безучастно играют пассивную роль.

Приближаясь к подножью области Монголо-алтайских гор, мы стали еще больше, нежели прежде, встречать следы деятельности ветров в пустыне или довольно оголенной местности вообще. Песок, мелкий и крупный, движимый, несомый ветром или бурей, бьет, трет, обвивает, шлифует встречные более или менее крупные обломки, создавая или превращая в нерукотворные, оригинальные фигуры и фигурки. В зависимости от состава обломков, от их однообразности или разнообр[азности] массы, от того положения, в котором лежали обломки, в зависимости от соседнего мелкого продукта, как материала, которым ветры работают, в зависимости от всего этого и получается та или иная форма выветривания. Поднимаешь такой обломочек и невольно им любуешься; со многими жаль даже расстаться. Чтобы больше познакомиться с деятельностью ветра, нужно, прежде чем взять камешек, ориентировать его положение, тогда вы можете судить о ветрах, господствующих в стране, о ветрах второстепенных. Это как и на примере барханных песков: наблюдатель читает строение последних в зависимости от деятелей природы.